

А. А. ВОВИН, Н. Б. СРЕДИНСКАЯ
**О РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА В ЧАСТНЫХ АКТАХ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XIII–XV ВВ.: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СРАВНИТЕЛЬНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ¹**

Введение

Вопрос о влиянии римского права и в случае положительного ответа на первый вопрос о степени такого влияния на складывающееся право Древней Руси относятся к категории прочно укоренившихся в историографии проблем, причем непримиримость позиций объясняется не только сложностью материала, имеющегося в распоряжении исследователей, но и определенными идеологическими моментами. Так, с точки зрения одних признать влияние римского права на древнерусское равносильно тому, чтобы расписаться в бессилии отечественной юридической средневековой мысли, в то время как другие полагают, что рецепция римского права через византийские канонические сборники – единственный возможный путь складывания правовой системы Древней Руси. Проблема, таким образом, в чем-то схожа с Норманнским вопросом, и ей, пожалуй, уже можно было бы по аналогии присвоить имя Римского вопроса. В рамках настоящей работы, разумеется, совершенно невозможно сколько-нибудь системно изложить все нюансы развития историографии по рассматриваемой проблеме. В XXI веке изучение этого вопроса окончательно разделилось на два, фактически не пересекающихся между собой направления исследования, представители которых, как кажется, совершенно не готовы друг друга слушать.

К первому направлению относятся историки права, во многом продолжающие дело юридической школы XIX века, более того, именно на дореволюционных исследователей преимущественно и ссылаются современные историки права: к таким работам можно отнести публикацию А. С. Переверзева о римском праве (в византийской обработке), послужившем одним из источников Псковской Судной грамоты (далее – ПСГ).

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в форме субсидии как часть проекта № 075-15-2020-786 «История письма европейской цивилизации»

Исследователь приводит ряд интересных наблюдений над отдельными нормами ПСГ, восходящими, по его мнению, к Эклоге. К таковым он относит норму о смертной казни за троекратное воровство (ст. 8 ПСГ) и за воровство на Крому (ст. 7 ПСГ). Для убедительности аргументации автору, к сожалению, не хватило прямого текстуального сопоставления норм, но в целом его систему аргументации в отношении связи между 7–8 статьями ПСГ и 5, 11 главами Титула XVII Эклоги принять можно. Сложнее обстоит дело с трактовкой «находа» ПСГ как самоуправного решения имущественного спора из 5 главы XVII титула Эклоги: такая трактовка представляется возможной, но равновероятной с другими. Совсем не убеждает утверждение А. С. Переверзева о том, что «есть основания видеть в этом тексте [16 статья ПСГ – Вовин, Срединская] прямую связь с титулом XI Эклоги». Хотя в обоих случаях упоминается пожар и грабеж, но в ПСГ эти бедствия выступают в виде условий, сопутствующих внесению имущества на хранение, а в Эклоге – в качестве причины утраты хранимого имущества, что, конечно, не позволяет видеть в тексте ПСГ отражение нормы Эклоги. Стоит отметить и фактическое отсутствие в статье А. С. Переверзева ссылок и упоминаний новейших исторических работ по исследуемой тематике. Как уже говорилось выше, в ней преимущественно рассматриваются исследования дореволюционных авторов, несколько работ середины XX века, а из современных – только общие курсы по истории государства и права².

Между тем, в современной историографии в более узком смысле слова тема рецепции римского (византийского) права занимает далеко не последнее место, хотя рассматривается и несколько под другим углом, не с формально-юридической точки зрения, как у историков права, а в более широком культурном контексте. На позициях принятия факта влияния византийского законодательства на древнерусское стоит Л. В. Милов³. Противоположные позиции занимает В. М. Живов⁴. Рассмотрим аргументы, приводимые в пользу отрицания значимости влияния византийского права на древнерусское из хронологически последней работы, в которой она затрагивается – монографии К. В. Вершинина «Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права»⁵.

Основная концепция автора по поводу рецепции римского права, изложенная преимущественно в главе V, заключается в том, что рецепция

² *Переверзев А. С.* Византийское право как источник Псковской Судной грамоты // Юридическая наука. 2015. № 3. С. 24–27.

³ См. подробнее: *Милов Л. В.* Византийская Эклога и Пространная Правда (Проблемы рецепции) // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 1 (3). С. 113–119; *Милов Л. В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 142–163; *Милов Л. В.* Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1984. № 3. С. 56–65.

⁴ *Живов В. М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 187–305.

⁵ *Вершинин К. В.* Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб., 2019.

была, но не повлияла на практическое правоприменение, которое не ориентировалось на сборники канонического византийского права, перевод и составление которых было скорее делом узкого круга образованных книжников. То есть, сборники эти не то чтобы не имели никакого практического применения, но использовались скорее эпизодически, по случаю. Это, по мнению автора, соответствовало в принципе тому пониманию законности, которое утвердилось в Византии во времена составления Эклоги – как христианской справедливости, а не как формальной легалистской законности, характерной для римского права времен Юстиниана и ранее.

Главным аргументом в пользу такой позиции применительно к древнейшему периоду русской истории служит фактическое отсутствие упоминаний судебных решений, вынесенных на основании норм сборников византийского права⁶. Вряд ли можно найти убедительные возражения против такой позиции, лежащей в общем в русле известной концепции В. М. Живова об особенностях рецепции византийской культуры на Руси. Однако, возражения отсутствуют только применительно к древнейшему Киевскому или домонгольскому периоду русской истории, плохо обеспеченному какими либо иными источниками кроме нарративных. При этом этот же аргумент применительно к Северо-Западу Руси XIV–XV вв. уже теряет под собой серьезные основания, так как вряд ли может вызывать сомнения то, что юридические памятники Новгорода и Пскова этого периода были не частно, а публично-правовыми сборниками, чему имеются многочисленные подтверждения как в актовом, так и летописном материале. Вдобавок, к сожалению, К. В. Вершинин, пытаясь обосновать малое влияние Номоканона на правовую традицию Пскова, допустил ряд фактических ошибок и обнаружил недостаточное знание правовых и политических реалий города периода самостоятельности (т. е. до конца XV – начала XVI вв.)⁷.

⁶ Там же. С. 234–261.

⁷ Так, желая подчеркнуть несущественность и малую значимость для Пскова второй половины XV века Номоканона, К. В. Вершинин, сам, вероятно, того не желая, делает ровно обратное. Мы находим у автора следующий пассаж: «Когда в 1468 г. псковские священники составили грамоту «из Намакануна», которая должна была обосновать их судебные полномочия, то этот документ отправился на хранение («в ларь»)» (*Вершинин К. В. Мерило Праведное...* С. 248). Речь идет о сообщении Псковской III летописи, действительно содержащей под указанным годом такой пассаж (Псковские летописи, Вып. II. М. 1950). Однако, К. В. Вершинин, незнакомый, по-видимому, с реалиями средневекового Пскова, неверно оценивает «ларь». В его словах чувствуется некоторое небрежение, как будто документ из Номоканона был убран в какой-то сундук и забыт. Речь же, между тем, идет совершенно очевидно о ларе Святой Троицы, архиве Пскова и Псковской земли, содержащего важнейшие документы и казну. Стоит упомянуть, что другое известное «вложение грамоты в ларь» прямо спровоцировало, или было одним из сопутствующих факторов крупнейшего социально-политического кризиса в истории Пскова периода самостоятельности – «брани о смердах». И это не единственное упоминание «ларя» в псковских источниках: это понятие неоднократно встречается в псковских актах как в качестве прилагательного «ларный», например, «ларное рукописание», т. е. завещание, составленное по всем правилам и помещенное в архив Пскова,

Но если вопрос о влиянии византийского права на древнерусское существует в историографии уже давно, то римское право в латиноязычном изводе в качестве источника древнерусского права практически в историографии не рассматривалось, по-видимому, исходя из априорных представлений о невозможности такого влияния. Авторами настоящей главы была недавно предпринята такая попытка, в результате которой была обнаружена юридическая норма, отразившаяся в Псковской Судной грамоте и актах Северо-Запада Руси и восходящая напрямую к кодексу Юстиниана в обход позднейших византийских правовых сборников⁸.

Подводя итог вышесказанному, стоит признать, что распространение на Северо-Западную Русь XIV – XV вв. концепции об отсутствии влияния римского права, на древнерусские юридические памятники и правовое сознание, является как минимум недостаточно хорошо обоснованной. Вместе с тем, нужно признать, что систематического сличения древнерусского права с римским не проводилось, в фокусе внимания исследователей оставались всегда правовые сборники, такие как Русская Правда и ПСГ. Между тем исключительно на материале юридических памятников решить вопрос о влиянии или отсутствии влияния римского права не представляется возможным, так как всегда в запасе у сторонников концепции отсутствия такового влияния остается аргумент о том, что отдельная норма или весь памятник целиком не использовался или применялся ограниченно в реальной юридической практике.

Таким образом, представляется более продуктивным рассмотреть этот вопрос с привлечением другого круга источников, как раз отражающего реальное применение правовых норм, а именно актового материала.

так и в качестве существительного. Неоднократно упоминается ларь в ПСГ и в псковском летописании, причем ларь, как и вся территория псковского Крома была особо охраняемой законом территорией. Так за кражу из «ларя» в полном соответствии с ПСГ поплатился в 1509 г. жизнью троичский пономарь Иван (Подробнее об этом сюжете, см.: *Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова. XIV – начало XVI вв.* СПб., 2019, С. 147–149). Сама ПСГ тоже вряд ли может быть названа частно-правовым сборником, имевшим ограниченное хождение – напротив, мы имеем массу летописных и актовых свидетельств о том, что нормы ПСГ имели в Пскове прямое действие и ни одного обратного.

Вообще, отсылка к Номоканону, как к документу, с помощью которого можно разрешить юридическую коллизию, встречается в псковском летописании и при описании событий, произошедших четверть века спустя («вложения в ларь»). Речь идет о событиях 1495 года, когда псковичи на вече приняли решение «срубити с десяти сох человек конный», т. е. выставить с этого объема земли вооруженного всадника для псковского войска, а священники воспротивились такому решению и отказались выставлять воинов с церковной земли, ссылаясь при этом на Номоканон (Подробнее об этой коллизии см.: *Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова. XIV – начало XVI вв.* СПб., 2019. С. 153, 319–320). Документ, о котором идет речь, был, по всей видимости, «вложен в ларь» не просто так, а как часть «псковской пошльины», т. е. совокупности псковских письменных законов, выпиской из которых по сути является дошедший до нас текст ПСГ.

⁸ *Вовин А. А., Срединская Н. Б.* Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв.: вдова и имущество покойного мужа // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2022. № 1 (31). С.105–116.

То есть, нужно провести сравнительно-источниковедческое исследование русского акта, необходимость которого уже не раз постулировалась в предшествующей историографии.

Коллекционер «сказочного размаха», акад. Н. П. Лихачев (1862–1936), чье собрание легло в основу Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН⁹, так определял назначение Западно-европейской части своей коллекции: «Тридцать лет я посвятил систематическому собиранию документальных памятников разных времен и народов в дерзостной мысли создать русскую «дипломатику», осветив ее в связи с западноевропейской, по возможности неизданными образцами моего собрания, а не снимками с многочисленных атласов Западной Европы. Мне хотелось осветить сферы взаимных влияний Востока и Запада»¹⁰. Мысль об исследованиях такого рода, об источниковедческой компаративистике, на основе его коллекции не оставляла его даже в астраханской ссылке: «...десятилетиями я рыскал всюду и собирал крупницы от западноевропейских богатств для того, чтобы доставить русским ученым самостоятельный материал для изучения, а не пользования только заграничными альбомами»¹¹.

Итогом освоения западноевропейской части наследия Н. П. Лихачева стали многочисленные публикации и статьи, касающиеся прежде всего актового материала Средневековой Италии¹². Здесь необходимо назвать издания актов Кремоны¹³, Падуи¹⁴, публикацию документов Флоренции и Феррары под названием «Итальянские коммуны XIV–XV вв.»¹⁵. Сейчас идет работа по изучению и подготовке к изданию документов Венеции,

⁹ Западноевропейская часть собрания Н. П. Лихачева хранится сейчас в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, составляя основную часть его Западноевропейской секции.

¹⁰ Н. П. Лихачев – В. В. Розанову. Москва, 13/26 августа 1926 г. // РГАЛИ. Ф. 419 (В. В. Розанов). Оп. 1. Д. 523. Л. 12. Цит. по: *Климанов Л. Г.* Николай Петрович Лихачев – коллекционер «сказочного размаха» // Из коллекций Н. П. Лихачева. Каталог выставки в Государственном Русском музее. Ленинград, 1991 г. СПб., 1993. С. 23.

¹¹ Н. П. Лихачев – М. С. Боровковой-Майковой. Астрахань, 17 января 1933 г. // СПбФ АРАН. Ф. 739. Оп. 4. Д. 40. Л. 1 об. Цит. по: *Климанов Л. Г.* Николай Петрович Лихачев – коллекционер «сказочного размаха» // Из коллекций Н. П. Лихачева. Каталог выставки в Государственном Русском музее. Ленинград, 1991 г. СПб, 1993. С. 23.

¹² Преобладание итальянских средневековых актов среди исследований и публикаций материалов западноевропейской части собрания Лихачева не случайно: 12 тысяч из 27 тысяч единиц хранения этой части представляют итальянские документы; значительное число документов Италии составляет актовый материал.

¹³ Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии Наук СССР / подг. к изд. С. А. Аннинского; под ред. О. А. Добиап-Рождественской. М.; Л., 1937. Акты Кремоны XIII–XVI веков в собрании Академии Наук СССР / под ред. В. И. Рутенбурга, Е. Ч. Скржинской. М.; Л., 1961. В этом ряду следует также назвать сборник Вспомогательные исторические дисциплины: сборник статей. М.; Л., 1937.

¹⁴ Акты Падуи конца XIII–XIV в. в собрании Академии наук СССР / сост. Е. Ч. Скржинская, А. М. Кононенко, В. И. Мажуга. Л., 1987 (далее: Акты Падуи).

¹⁵ Итальянские коммуны XIV–XV веков: сборник документов из Архива Ленинградского отделения института истории АН СССР / под ред. В. И. Рутенбурга. М.; Л., 1965.

Милана, Феррары XII–XV вв. Таким образом, акты Средневековой Италии хранящиеся в Западноевропейской секции архива СПбИИ РАН, как опубликованные, так и неопубликованные, могут послужить той цели, которую намечал Н. П. Лихачев; то есть стать основой в том числе для работ, посвященных источниковедческой компаративистике. О необходимости таких исследований писал С. М. Каштанов. Рассматривая русские средневековые акты, он отмечал, что они, при всех своих отличиях, «входят в качестве составной части в наследие средневековой европейской дипломатики, и выяснение их специфики, равно как и черт сходства с западными и восточными актами, требует особого сравнительно-источниковедческого исследования»¹⁶.

Нужно отметить, что в последние годы компаративное источниковедение на отечественном материале уже несомненно сделало первые важные шаги. В этом контексте необходимо упомянуть прежде всего монографию Т. В. Гимона, посвященную сравнению русского летописания и англо-саксонских хроник и анналов, а также его же статью, в которой сопоставляется административная переписка в раннесредневековой Англии и Древней Руси. В этих работах, как представляется, показана продуктивность и возможности сравнительного источниковедения как такового, намечены пути его дальнейшего развития, а также дан убедительный отпор противникам исторической компаративистики как таковой¹⁷. Перу одного из авторов настоящей статьи принадлежит общий сравнительный обзор источников по истории ранней итальянской коммуны и Пскова XIV–XV вв.¹⁸

Идея сопоставления псковских, новгородских и итальянских актов XIV–XV вв. в рамках источниковедческой компаративистики опирается и на историографическую традицию сравнительных исследований русского средневекового города и европейской коммуны¹⁹. Выявленные в рамках историко-компаративных исследований черты типологического сходства между городскими политиями Северо-Запада Руси и итальянскими городами государствами дают для сравнительного источниковедения и теоретическую базу.

Кроме того, обращение к актовому материалу в сравнительной перспективе позволяет по-новому поставить вопрос о происхождении русского частного акта, проблему, вокруг которой уже сломано в истори-

¹⁶ Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М.: Наука, 1996. С.82.

¹⁷ Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2011.; Гимон Т. В. Административная переписка Англо-Саксонской Англии и Древней Руси // Письмо и повседневность. 2014. Вып. 1. С. 9–41.

¹⁸ Вовин А. А. Сравнительный анализ источников по ранним итальянским коммунам и Пскову XIV–XV вв. // Петербургский исторический журнал, 2017. № 1. С. 180–196.

¹⁹ См.: Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова. XIV – начало XVI в. СПб., 2019.; Лукин П. В. Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб, 2022.

ографии немало копий. При этом, однако, как кажется, изучение этого вопроса было направлено, прежде всего, на выяснение того, когда появился русский частный акт²⁰; мы же скорее склонны попытаться ответить на вопрос, как или при каких обстоятельствах это произошло.

Удивительно, что никто еще, как кажется, не пытался поставить вопрос именно таким образом, учитывая то, что акты Северо-Западной Руси, по крайней мере, те из них, чья древность никем не оспаривается (как будет показано ниже), обладают строгим и устойчивым формуляром. Их формуляр, мало эволюционировавший в XIV–XV вв., но при этом предстающий перед нами в начале этого периода в уже готовом и законченном виде, мог сложиться в результате либо предшествующей эволюции, либо под внешним влиянием.

Сличение акта Северо-Западной Руси с образцами актов средневековой Италии, развивавшихся под влиянием римского права, могло бы дать в руки исследователей ответ на вопрос, в какой мере можно говорить о том, что древнерусский акт был результатом линейного развития обычного права славян и германцев, а в какой он сложился под влиянием римского права, исходившего, возможно, не только из Византии, но и непосредственно с территории Латинского мира.

Любое сравнительно-историческое исследование, как постулировал еще М. Блок, должно начинаться с выбора тех аспектов объектов сравнения, которые мы будем сравнивать, ибо можно сравнивать не объекты целиком, а лишь их некоторые аспекты. Мы в этом смысле не будем говорить о внешней стороне источников, хотя сравнение техник письма и изготовления документов несомненно ждет своего исследователя. Для нас в центре исследования будет лежать сам акт, его формуляр и клаузулы, отдельные правовые нормы и коллизии, т. е. содержание актов, как с историко-правовой, так и с текстологической точки зрения.

Историческая компаративистика ставит своей главной целью не просто констатацию выявленных сходств и различий сравниваемых явлений, а их анализ и формирование на его основе нового списка вопросов к исследуемому явлению. Сравнительное источниковедение, кроме того, как всякая другая источниковедческая дисциплина выделяется среди других компаративистских дисциплин большей точностью в силу того, что объект(ы) исследования даны нам в непосредственных ощущениях. Более того, сравнительный метод в принципе можно считать врожденным свойством источниковедения. Традиции сравнительного изучения летописного материала были заложены А. А. Шахматовым, на протяжении XX века проводилось сравнительное изучение древнерусского акта. Таким образом, мы по сути не вносим в источниковедение какие-то новые и чуждые

²⁰ Речь идет о давнем историографическом споре, начало которому было положено статьей С. Н. Валка, в которой автор оспаривал подлинность древнейших известных актов и возводил начала русского частного акта к XIV веку (*Валк С. Н.* Начальная история древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины М.; Л., 1937, С. 285–318.).

ему приемы, но лишь распространяем границы материала за пределы ареала древнерусской письменности.

Средневековые североитальянские завещания и акты купли-продажи

Для нашего исследования наибольший интерес представляет рассмотрение договоров купли-продажи и завещаний, устанавливавших переход прав на движимое и недвижимое имущество²¹. Приступая к анализу формуляра такого рода актов, наметим сразу проблему, которая, как представляется, недостаточно изучена в отечественной медиевистике, а именно: можно ли говорить о том, что в Североитальянских центрах XIII–XIV вв. недвижимость приобреталась в собственность? Различались ли средневековыми нотариями собственность и владение? Можно ли говорить о наличии в актах таких категорий, как держание, узуфрукт и прочее? Для ответа на эти вопросы необходимо соотнести содержание таких понятий, сложившихся в римском праве, с теми правами на недвижимость, которые устанавливались североитальянскими нотариальными актами XIV в.

Исследователи права Древнего Рима, одной из основ формирования вещного права Средневековья, в целом согласны в оценке того, каково содержание права собственности в учении римских юристов. Право собственности обозначалось такими терминами, как *dominium* и *proprietas*. Выдающийся русский романист И. А. Покровский так формулирует его содержание: «Основное вещное право есть право собственности: оно предоставляет собственнику в принципе полную власть над вещью. Собственник имеет право владеть вещью, пользоваться ею, как ему угодно (*ius utendi et abutendi*), и распоряжаться ею (*ius disponendi* – право продавать, закладывать и т. д.)»²². Классическая римская юриспруденция трактовала собственность как неограниченное и исключительное правовое господство лица над вещью, и к указанным выше правомочиям могло быть добавлено сколько угодно других прав на вещь.

Праву собственности (*dominium, proprietas*) в римском праве противостоит понятие владения (*possessio*). Если собственность определяется как право на вещь, владение характеризуется прежде всего тем, что это факт, фактическое обладание вещью. При этом следует подчеркнуть, что наличие владения не зависит от того, имеет ли обладатель право на вещь или нет (например, владение вора). Эта дихотомия отражена в известном определении Ульпиана: «*Nihil commune habet proprietas cum possessione* – собственность не имеет ничего общего с владением»²³.

²¹ Документы Северной Италии из собрания Н. П. Лихачева ныне хранятся в Западно-европейской секции Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (далее: ЗЕС). Использованы также акты, хранящиеся в Государственном архиве Модены (Италия): Archivio di Stato di Modena, Archivio privato Fiaschi. Buste I–VI (далее ASM).

²² Покровский И. А. История римского права. М., 2004. Первое издание: М., 1913. (далее: Покровский И. А.). С. 334–335.

²³ Дигесты Юстиниана. D. 41. 2. 12.

Владение (*possessio*) в римском праве определялось следующими необходимыми элементами: *corpus possessionis* (фактическое обладание вещью) и *animus possidendi* (владельческая воля; намерение владеть вещью для себя). *Corpus possessionis* предполагает наличие вещи в имуществе владельца, *animus possidendi* – непризнание владельцем ничьей власти над вещью, кроме своей собственной. Для приобретения владения необходимы оба эти элемента. Такое фактическое обладание вещью, как владение (*possessio*) в римском праве было снабжено надежной защитой: Публициановым иском и системой интердиктов – внесудебными средствами, находившимися в распоряжении претора. Даже приобретенное незаконным образом владение при определённых обстоятельствах могло быть защищено в интердиктном производстве²⁴. В исследованиях, в том числе современных, высоко оценивается глубокая и всесторонняя разработанность этого института классического периода римского права²⁵.

Более дискуссионной и менее разработанной современными авторами является тема держания (*detentio*) в римском праве. В энциклопедии М. Бартошека дано следующее определение этой категории вещного права: «*Detentio* – термин, обозначающий (в отличие от *possessio*) фактическую власть над вещью без намерения обладать ею исключительно для себя (терминами римского права были, в частности, *in possessione esse*; *naturaliter possidere*; *possessio naturalis*) и без интердиктной защиты. *Detentor*, у которого *animus possidendi* отсутствует (как правило, на основании договора) – это, например, *conductor*²⁶, *commodatarius*²⁷, *depositarius*²⁸, *negotiorum gestor*²⁹»³⁰. Таким образом, держание, фактическое обладание вещью, отличается от владения отсутствием *animus possidendi*, то есть владельческой воли (намерением обладать вещью для себя) и отсутствием самостоятельной защиты³¹.

²⁴ Покровский И. А. С. 365.

²⁵ См.: Савельев В. А. Владение в римском классическом праве и современное законодательство // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 95 (далее: Савельев В. А.).

²⁶ Наниматель, арендатор в договоре аренды (найма вещей) – *locatio-conductio rerum*.

²⁷ Ссудополучатель в договоре ссуды – *commodatum*.

²⁸ Хранитель, поклажеприниматель в договоре хранения – *depositum*.

²⁹ Ведущий дело в договоре ведения чужих дел без поручения – *negotiorum gestio*.

³⁰ Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 107 (далее: Бартошек М.).

³¹ Выразительно и ясно пишет об этом И. А. Покровский: «Владение, хотя и фактическое господство над вещью, не может быть, однако, признано владением в истинном смысле, если оно не соединено с волей лица владеть. ... Владение, таким образом, приобретается, когда оба элемента соединяются в одном лице («*apiscimur possessionem animo et corpore*» – «мы получаем владение волей и телесным воздействием», fr. 3. 1. D. 41. 2); владение теряется, когда один из этих элементов исчезает («*amittimur possessionem aut animo aut corpore*» – «владение теряется либо утратой воли, либо физической связи с вещью»). Но не всякое владение, даже при наличии обоих этих элементов, заслуживало, по учению римских юристов, самостоятельной защиты, и в этом отношении они различали юридическое, защищаемое владение, *possessio*, и владение незащищаемое, *detentio* (или «*in possessione esse*»). Но принципиального критерия для отграничения *possessio* от *detentio* они не дали. Наиболее близким к истине критерием является характер *animus possidendi*: если кто-либо владеет *alieno nomine*, от чужого имени (например, вещь дана мне кем-либо внаймы, в пользование, на сохранение и т. д.), то

При всех прочих разногласиях большинство авторов придерживаются этой позиции. Помня об основной задаче этой части работы – исследовании влияния римского права на утверждение прав на недвижимость в актах средневековой Италии, – нельзя, однако, умолчать о различиях воззрений романистов на категорию держания³². Немалое внимание держанию (*detentio*) уделяет Д. В. Дождев. Как он отмечает, держание в основном, в отличие от владения, не было снабжено самостоятельной защитой; держатель в случае возникновения конфликтов должен был действовать через собственника или владельца вещи. Были, однако, виды держания, получавшие самостоятельную защиту. Избирательность защиты держания в римском праве, по мнению Д. В. Дождева, составляет научную проблему, не находящую решения в рамках существующих концепций³³.

Приблизиться к решению одной из задач этой работы – правомерно ли употреблять термин «собственность» для характеристики права на имущество, приобретаемое в Средневековой Италии XIII–XIV вв., следует, прежде всего, на основе анализа формуляра договоров купли-продажи.

Формуляры феррарских актов купли продажи построены на основе одного и того же образца, данного нотариам Северной Италии виднейшим представителем Болонской школы юристов, Роландином Пассагером для составления договоров и документов³⁴. Сравнение формуляров с образцом необходимо, поскольку восприятие римского права в Северной Италии шло не напрямую, непосредственно, а через Болонский университет, где получили образование в том числе и феррарские нотариусы³⁵.

мы будем иметь *detentio*; если же владение соединено с *animus suo nomine possidere* («владеть от своего имени»), мы будем иметь *possessio* (такой *animus* будет у собственника, у добросовестного приобретателя, но он будет и у вора). Только *possessor suo nomine* может претендовать от своего имени на защиту владения; владение же детентора должно быть защищено им, а тем, от чьего имени он владеет». *Покровский И. А. С. 363–364.*

³² По мнению В. А. Савельева, которое он высказывает в работе, посвященной римскому владению, термин «держание» (*detentio*), воспроизводимый в отечественной литературе по римскому праву, в Институциях Гая и Дигестах Юстиниана не употребляется. Как считает автор, в теории римского права классического периода существовала только дихотомия владения (*possessio*) и невладения, а формированием юридических свойств, а равно и самого термина *detentio* займется «средневековое римское право», а позднее — германская пандектистика. Не вызывает сомнений вывод В. А. Савельева о том, что «римские классические юристы нашли принципиальный критерий для отграничения владения от невладелческих случаев обладания вещами — известную категорию «*animus*» (намерение, дух, воля, желание)» (*Савельев В. А. С. 88–89*). В. А. Савельев, однако, не отрицает использования в римском классическом праве, в случаях, которые можно отнести к держанию, глаголов *tenere*, *detinere*, а также термина *possessio naturalis*, признаваемого правом классического периода в качестве явной противоположности *possessio*. Поскольку в этой работе речь идет о праве Средневековья, в ней будет сочтено возможным, вслед за другими российскими романистами, употребление термина «держание» (*detentio*).

³³ *Дождев Д. В. Римское частное право. М., 1997. С. 331 (далее: Дождев Д. В.).*

³⁴ Роландин Пассагерий (ок. 1215–1300), создатель известного труда *Summa artis notariae*, объединившего трактат о нотариальном искусстве с формулярием – образцами составления актов.

³⁵ О нотариате Феррары см.: *La Rosa A. Il notariato ferrarese negli statuti comunali del 1287 e del 1534. Deputazione provinciale ferrarese di Storia Patria. Atti e memorie. Serie terza. Volume VIII.*

Рассмотрим основные формулы и клаузулы, предписанные Роландином для договоров купли-продажи: «*Antonius dedit, vendidit et tradidit iure proprio in perpetuum Corrado unam peciam terrae... ad habendum, tenendum et possidendum, et quicquid ei et suis haeredibus deinceps placuerit faciendum, cum omnibus et singulis quae infra praedictos continentur confines..., cum omnibus et singulis quae habet super se vel infra se seu intra se in integrum* – Антоний дал, продал и передал Конраду по праву собственности навсегда участок земли... для обладания, держания и владения, и совершения всего, что будет угодно покупателю и затем его наследникам, со всем в целом и по отдельности, что заключено в его границах... со всем в целом и по отдельности, что [участок] содержит над собой, или под собой, либо внутри себя, полностью»³⁶.

Прежде всего, следует обратить внимание на формулу *dedit, vendidit et tradidit iure proprio in perpetuum*. В качестве примера обратимся к актам семейного архива известного феррарского рода Сакрати³⁷. Необходимо подчеркнуть, что формула «*iure proprio in perpetuum*», обозначающая основание передачи имущества, обязательно присутствует во всех актах купли-продажи, входящих в указанный комплекс документов³⁸. По результатам проведенного анализа, наличие в акте этой формулы сразу указывает на приобретение земли в собственность. Напротив, эта формула полностью отсутствует в актах другого рода, например, фиксирующих передачу земли в аренду, на основаниях ливелла или в эмфитевзис, т. е. в документах, предоставляющих меньшие, чем право собственности, права на вещь³⁹.

Здесь необходимо указать, что в привлеченном к исследованию комплексе актов достаточно редко встречаются термины «*dominium*», «*proprietas*», обозначающие собственность⁴⁰. Одно из исключений – документ 1308 г., хранящийся в Модене. В нем содержится следующая формула: Ferrara, 1968; *Бернадская Е. В.* Феррара и ее сельский округ // Итальянские коммуны XIV–XV вв.: сборник документов. М.; Л., 1965. С. 237–255; *Кононенко А. М.* К истории итальянского нотариата XI–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1974. Вып. 6. С. 312–334.

³⁶ *Atti & formule di Rolandino*. Consiglio Nazionale del notariato. Arnaldo Forni Editore, 2000. P. 45. *Venditio simplex* (далее: *Atti & formule di Rolandino*).

³⁷ Документы рода Сакрати хранятся в Западноевропейской секции Научно-исторического архива СПБНИИ РАН (ЗЭС. Колл. 4, картоны 133–135); другая часть этого комплекса находится в Государственном архиве Модены: Archivio di Stato di Modena (ASM. Archivio privato Fiaschi. Buste I–VI). Комплекс насчитывает 325 единиц хранения XIII–XV вв.

³⁸ Формула *iure proprio in perpetuum* присутствует во всех 36 актах купли-продажи из комплекса актов Сакрати, устанавливавших право собственности на приобретаемую недвижимость: ЗЭС. Колл. 4, картон 133, №№ 3, 4, 7, 13, 23–25, 27, 36; картон 134, № 6. ASM. L. 1 № 53; L. 2 №№ 16, 23, 26, 30, 33, 40, 50, 59, 60, 62, 72; L. 3 №№ 18–21; L. 4 №№ 3, 12, 15, 25–26, 41–42; L. 5 № 1; L. 6 № 27–28. *Срединская Н. Б.* Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. М., 2017 (далее: *Срединская Н. Б.* Феррара XIV века). С. 48–66.

³⁹ *Срединская Н. Б.* Феррара XIV века. С. 48–66.

⁴⁰ Так из 325 документов исследуемого комплекса термины «*dominium*» и «*proprietas*» содержат только 12: *dominium* – ASM. L. 2 № 7; *dominium* в сочетании с *proprietas* – ЗЭС. Колл. 4,

мулировка: «*iure proprio in perpetuum dederunt et vendiderunt ser Uberto de Sacrato presenti et stipulanti proprietatem et dominium unius casamenti terre super quo est una domus de cuppis cum orto postposito*⁴¹ – отдали и продали навечно по праву собственности присутствующему и стипулирующему сер Уберто де Сакрато собственность и господство над участком земли с расположенным на нем домом под черепичной крышей и садом»⁴². Важно подчеркнуть, что наличие в данном акте редко встречающихся по крайней мере в рассматриваемом комплексе документов терминов *proprietas*⁴³ и *dominium* не отменяет обычного и постоянного «*iure proprio*».

Напротив, как уже говорилось, договоры, даже названные составителями-нотариями «*venditio* – купля-продажа», но не устанавливающие права собственности, лишены этой формулы. Рассмотрим акт от 4 апреля 1294 г.: «*Manzolos... per se suosque filios et heredes hoc instrumento venditionis iure pacti in sexaginta annos advenientibus ad renovandum, dedit, vendidit, tradidit et concessit Vassallo carezatori... unam golenam salicatum...* – Мандзоло... за себя и своих сыновей и наследников этим актом продажи по праву, [установленному] пактом, который должен возобновляться каждые 60 лет, отдал, продал, передал и уступил возчику Вассалло... сухую часть русла, поросшую ивняком...»⁴⁴. Итак, в этом акте, по сути дела, долгосрочной аренды, где одна сторона остается собственником, а другая приобретает имущество в пользование, а не в собственность, на месте «*iure proprio*» стоит «*iure pacti*».

Представляется, что на основании вышеизложенного перевод и трактовка «*iure proprio*» как «по праву собственности», «в собственность» в данном контексте правомерны.

Исследование формуляров феррарских актов XIV в. не оставляет сомнений в отчетливом различении и даже противопоставлении понятий «собственность» и «владение». Владение, как и в римском праве, обозначено в этих документах термином «*possessio*» и так или иначе присутствует во всех актах, устанавливающих права на вещь⁴⁵. Обоснование тезиса о противостоянии в праве средневековой Феррары собственно-

картон 133, №№ 29, 40; ASM. L. 2 № 59, L. 6 № 26; *proprietas* – ЗЕС. Колл. 4, картон 133, №№ 9, 25; ASM. L. 1 № 19, L. 5 №№ 16, 22, L. 6 №№ 30–31.

⁴¹ Здесь и далее текст актов приводится в соответствии с орфографией подлинника.

⁴² ASM. L. 2 № 59.

⁴³ Иногда термин *proprietas* встречается как обозначение собственности церкви, предоставляемой жителям Феррары на правах аренды, эмфитевзиса, ливеллы и др. Например, в акте инвеституры по праву ливеллы от знаменитого монастыря Сан Витале в Равенне от 24. 10. 1348 г. находим: пашня и виноградник в вилле Скорнио, предоставляемые госпоже Альбертине де Сакрато, представляют собой *res proprietatis nostri monasterii* (имущество из числа собственности нашего монастыря)». ASM. L. 5 № 16.

⁴⁴ ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 14.

⁴⁵ Различные права на вещи устанавливались следующими видами контрактов: право собственности фиксировалось договорами купли-продажи, но также и в актах передачи имущества несостоятельного должника в пользу кредитора; путем мирового соглашения (*datio in solutum*) или судебным приговором (*sententia iudicis*). Долгосрочное право пользования чужой

сти как права на вещь и владения как фактического обладания вещью опирается на множество примеров, но прежде всего на порядок оформления прав на недвижимость. Переход недвижимости к новому владельцу (собственнику или держателю) требовал совершения следующих необходимых действий: во-первых передачи права на недвижимость (то есть передачи права собственности), и, во-вторых, после этого, отдельно, оформлявшегося другим документом (пусть написанного на одном листе с первым), вступления во владение.

Уже сама существовавшая в Северной Италии периода Средневековья необходимость утвердиться не только в праве на вещь, но вступить во владение *corpore* может убедить в различении и даже противопоставлении понятий «собственность» и «владение», но существуют и другие примеры этого. Например, в акте от 6 марта 1350 г. о публичном оглашении по поводу передачи имущества несостоятельного должника в пользу кредитора – Альбертины Сакрати, находим следующую формулировку: «*Et qui quicumque vult alliquid ius petere vel hostendere in dicta res et aliqua eius parte tam in proprietate quam in possessione ipsius...* – и [если] кто, кто бы он ни был, хочет предъявить право или какой-либо иск к этой вещи или какой-либо ее части, как в отношении собственности, так и в отношении владения...»⁴⁶.

Менее отчетливо, чем владение, предстает в текстах феррарских актов держание. В этих документах нечасто встречается термин «*detentio*»⁴⁷, (то же мы отмечали насчет относительной редкости употребления терминов «*dominium*» и «*proprietas*» для обозначения права собственности, заменяемое *iure proprio in perpetuum*), но понятие держания, тем не менее, там постоянно присутствует, употребляемое в глагольной форме «*tenere*– держать» (это, как уже было указано выше, отмечалось романистами в отношении источников римского права), и в производной от этого глагола форме «*tenuta*». Глагол «*tenere*» в различных его формах, характеризующий держание, встречается в текстах актов так же часто, как и термины «*possidere*», «*possessio*», обозначающие владение, и нередко рядом с ними. Достаточно вспомнить состав правомочий, предоставляемых

недвижимостью устанавливали акты эфитевзиса, ливелла; бессрочное – *usus*; краткосрочное – обычная аренда.

⁴⁶ ASM. L. 5 № 22. Необходимо отметить, что публичное оглашение (*criida*) совершалось и фиксировалось отдельными документами во всех случаях отчуждения недвижимости, в том числе путем продажи имущества в собственность, а не только по поводу передачи имущества несостоятельного должника в пользу кредитора.

⁴⁷ Один из немногих случаев употребления термина «*detentio*» в документах архива Сакрати находим в акте зоатики (аренды рабочего скота): «*non liceat dicto conductori vendere et alienare dictum bovem absque licentia et mandato dicte locatricis dominium, proprietatem et possessionem ipsius in se reservantis ut eum a detentione quolibet valoris vindicare* – упомянутому арендатору нельзя продавать и отчуждать указанного быка без разрешения и поручения упомянутой арендодательницы, сохраняющей над ним за собой власть, право собственности и владение, так, чтобы он был продан из держания <держателем> за какую угодно <высокую> цену». ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 29.

покупателю из приведенного выше образца Роландина Пассагерия. Недвижимость приобретается «*ad habendum, tenendum et possidendum* – для обладания, держания и владения»⁴⁸.

В данном контексте, для демонстрации того, что держание воспринималось средневековыми юристами как самостоятельная категория, т. е. не служило простым дополнением к владению в указанном списке правомочий приобретателя вещи, следует рассмотреть договоры, которые устанавливали отношения между собственником земли и держателем, лишенным, согласно представлениям римского права, *animus possidendi*.

Акты Сакрати могут предоставить достаточно полный материал для такого исследования. Это договоры краткосрочной аренды (*locatio-conductio*), эmfитевзиса и особого вида бессрочного пользования чужой недвижимостью, держания по праву *usus* (узус). При рассмотрении договоров краткосрочной аренды употребление глагола *tenere* в искомом смысле не обнаруживается, там используются другие термины, но эmfитевзис и *usus* дают достаточно убедительный результат.

Что касается эmfитевзиса, положение эmfитевта как держателя предстает чаще всего в расписках о получении ежегодной платы за пользование чужой недвижимостью и обозначается следующим образом: деньги получены «*pro pensione anni presenti terre et vinee quas tenet dictus ser Ubertus in fundo Fossalte et in villa Gradicie sive Gradiçole iure emphyteutico ab ecclesia Ravenne* – в качестве оплаты нынешнего года за земли и виноградники, которые держит указанный сер Уберто в Фоссальте и в вилле Градиции или Градидзолы по эmfитевтическому праву от церкви Равенны»⁴⁹. Или, например, плата «*pro quadam peciam terre sclapive, positam in districtu Ferrarie iuxta Padum et argerem ab ecclesia Sancti Laçari, quam dicta domina tenet ab ecclesia predicta iure emfictetici* – за некий участок заболоченной земли в Феррарском дистретто, расположенный между рекой По и дамбой, от церкви Сан Ладзаро, который госпожа Альбертина держит по праву эmfитевзиса от указанной церкви»⁵⁰. Примеры такого рода находятся в десяти актах эmfитевзиса с 1332 по 1365 г.⁵¹

Usus (узус) – специфический вид держания, распространенный только в Ферраре: бессрочное, наследуемое, отчуждаемое право пользования чужой землей или чужим домом. Договоры, фиксирующие такого рода правоотношения, также представляют ряд примеров распространения в праве этого города понятия «держание», близкого по содержанию к тому,

⁴⁸ Atti & formule di Rolando. P. 45. Venditio simplex. Эта или более распространенная формула присутствует во всех исследованных документах, устанавливавших право собственности на приобретаемую недвижимость: ЗЕС. Колл. 4, картон 133, №№ 3, 4, 7, 13, 23–25, 27, 36; картон 134, № 6. ASM. L. 1 № 53; L. 2 №№ 16, 23, 26, 30, 33, 40, 50, 59, 60, 62, 72; L. 3 №№ 18–21; L. 4 №№ 3, 12, 15, 25–26, 41–42; L. 5 № 1; L. 6 № 27–28.

⁴⁹ ASM. L. 4 № 13. 14.03.1340 г.

⁵⁰ ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 3. 03.03.1353 г.

⁵¹ ЗЕС. Колл. 4, картон 134, №№ 1, 3; ASM. L. 3 № 45; L. 4 №№ 13, 44; L. 5 № 10, 17, 18, 59; L. 6 № 37.

каким смыслом наполняло его римское право⁵². Например, некий пользователь участок земли с домом «*tenebat ad usum ab ipso domino Uberto* – держал [на основании] узуса от самого господина Уберто»⁵³. В акте от 02.10.1342 г. указывается, что виноградник в Когомаро «*ser Ubertus tenet ad usum a dicto monasterio Sancti Georgii* – сер Уберто держит [на основании] узуса от указанного монастыря Сан Джорджо»⁵⁴.

Таким образом, то, что в феррарских актах (эмфитевзис, узус), установивших правоотношения, которые в римском праве характеризовались, как держание, для утверждения правомочий пользователя недвижимостью не употребляются термины «*possessio, possidere* – владение, владеть», а используется глагол *tenere*, говорит о присутствии в праве средневековой Италии такого понятия, как держание в его отличии от владения.

Здесь необходимо отметить, что во многих трудах романистов XX и XXI в. эмфитевзис не рассматривается как разновидность держания⁵⁵. Классификация вещных прав в этих работах предусматривает деление всех прав на вещи на: 1. Право собственности 2. Владение (и держание) 3. Ограниченные вещные права⁵⁶, или права на чужую вещь (*iura in re aliena*), к которым относят сервитуты, земельные и личные (в том числе узуфрукт), затем эмфитевзис и суперфиций и залоговое право⁵⁷. Существует и другая точка зрения. Так, например, С. А. Муромцев считал, что право Древнего Рима относилось к категории держания также и такие виды прав на чужую вещь, как сервитуты, и, в частности, узуфрукт: «Можно было обладать вещью, но не владеть ею; так, не владели ею поверенный, поклажеприниматель, наниматель, узуфруктуар и вообще имеющий на нее сервитутное право, закладодержатель и т. д. Это отношение к вещи римские юристы называли по большей части держанием вещи (*tenere, detinere*); его отличие от владения выступало особенно ясно тогда, когда «держатель» открыто признавал другое лицо собственником вещи и основывал свое «держание» на его воле (так наз. *detentio alieno nomine*: закладодержатель, наниматель, узуфруктуар и др.) На держателя, понятно, не распространялось право защищаться владельческими интердикта-

⁵² Акты 1298–1359 гг., фиксирующие право узус, где для характеристики правомочий пользователя употребляется глагол *tenere*: ЗЭС. Колл. 4, картон 134, № 6. ASM. L. 1 № 56; L. 2 № 6; L. 3 № 8; L. 4 № 1, 5, 27, 35, 36, 39, 46; L. 5 № 9, 12, 26, 58, 61, 63.

⁵³ ASM. L. 4 № 5.

⁵⁴ ASM. L. 4 № 27.

⁵⁵ Выше рассматривалось определение держания, данное М. Бартошекком. *Бартошек М.* С. 107.

⁵⁶ Ограниченное вещное право – это право на чужую вещь, т. е. на вещь, находящуюся в собственности другого лица. Ограниченные вещные права, подобно праву собственности, предоставляют управомоченным лицам непосредственное, хотя и строго ограниченное господство над чужим имуществом. Объект ограниченных вещных прав всегда индивидуально-определенная вещь, уже имеющая собственника.

⁵⁷ См., например, *Покровский И. А.* С. 337–369; *Дождев Д. В.* С. 325–421.

ми»⁵⁸. Средневековые же итальянские акты, как показывают приведенные выше примеры, к разряду держания относят эмфитевзис, а также близкий к нему узус. Ниже будет рассмотрен узуфрукт, находивший применение в завещаниях Северной Италии.

Североитальянские нотариальные акты XIII–XIV вв. представляют собой самый благодарный материал для изучения рецепции римского права: латинский язык средневековых документов, как язык римского права; юридическая фразеология, формулировка основных правовых понятий и категорий, нередкие ссылки или прямые цитаты из Дигест Юстиниана, Кодекса, Новелл – все это дает основу для самого широкого круга исследований по этой теме. Обеспечивал столь высокую степень распространения и влияния римского права другим североитальянским центрам Болонский университет, где учились, чтобы затем применять свои знания на практике, итальянские нотариусы.

Для исследования нотариальных актов особенно важен упоминавшийся выше труд знаменитого преподавателя Болонского университета Роландина Пассагерия (Rolandinus Passagerius; Rolandino Passaggeri, ок. 1215–1300) «Summa artis notariae – Сумма нотариального искусства». Этот труд Роландина начиная со времени своего создания давал нотариусам Северной Италии образцы составления частных актов. Несмотря на усовершенствование и расширение формуляра актов с течением времени, несмотря на увеличение их региональных отличий, основа, данная Роландином, отчетливо в этих документах просматривается⁵⁹.

Много внимания проблемам дипломатики итальянского частного акта и, в особенности, исследованию Суммы Роландина Пассагерия, уделила А. М. Кононенко (1931–1984)⁶⁰. Одна из глав ее диссертации, которая до сих пор не утратила своего значения и актуальности, полностью посвящена анализу содержания VIII главы Суммы Роландина «О завещаниях»⁶¹. Исследовательница отметила, что эта глава выделялась ее создателем как наиболее разработанная и значительная. Существенным при составлении завещания было обязательное соблюдение всех правил установленной формы; это было условием его действительности. Формальные требования здесь были значительно выше, чем при составлении документов другого рода: ведь завещание начинает действовать после смерти наследода-

⁵⁸ Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003 (Первое издание: М., 1883). С. 531–532.

⁵⁹ Цитаты из Суммы Роландина приводятся по изданию: Atti & formule di Rolandino. Consiglio Nazionale del notariato. Arnaldo Forni Editore, 2000. Далее: Atti & formule di Rolandino.

⁶⁰ Кононенко А. М. Роландин Пассагерий и его трактат об искусстве нотариусов (к истории средневекового нотариата) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1973. Т. 5. С. 297–309. Она же. К истории итальянского нотариата XI–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1974. Т. 6. С. 312–334.

⁶¹ Кононенко А. М. Нотариат Италии XIII века (Трактат Роландина Пассагерия): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973. (Далее: Кононенко А. М. Нотариат Италии XIII века). Глава IV. Анализ главы «О завещаниях» (VIII гл. «Суммы» Роландина). С. 107–158.

теля и при несоблюдении необходимых формальностей могла возникнуть опасность искажения его воли и иных злоупотреблений. *Dispositio* – расположение частей формуляра завещания должно было строиться в надлежащем порядке, оно должно было включать самое большее шесть частей. 1. *Prooemium* – введение; 2. *Legata propter animam* – о legataх для души; 3. *Institutio heredum* – назначение наследника/наследников; 4. *Substitutio heredum* – подназначение наследников; 5. *Providentiae* – забота об остальных легатариях; 6. *Clausula finalis* – заключительная клаузула. Следует отметить, что в документах из собрания Н. П. Лихачева такой порядок изложения соблюдается достаточно строго.

Три части из шести – введение, назначение наследников и заключительная клаузула были выделены Роландином как обязательные (*necessaria*); остальные же, названные произвольными (*voluntaria*), включались согласно воле наследодателя⁶². А. М. Кононенко отметила, что при этом в Сумме не названы (очевидно, как само собой разумеющиеся) те необходимые для каждого документа части, без которых он теряет силу (*validitas*). Это инвокация, хронологическая и локальная дата и поименное перечисление свидетелей⁶³.

Рассмотрение формуляра и содержания подлинных и большей частью не опубликованных североитальянских завещаний XIV–XV вв. из собрания Н. П. Лихачева может продемонстрировать степень соответствия образцу, данному Роландином Пассагерием и выявить заимствования и цитаты из Дигест, Кодекса и Новелл, взятые из Суммы, или введенные составителями. К исследованию привлечены 13 документов, происходящих из Венеции⁶⁴, Милана⁶⁵, Падуи⁶⁶ и Феррары⁶⁷ 1301–1463 гг.

Как было упомянуто выше, во всех исследуемых актах присутствуют не названные Роландином необходимые для каждого документа части. Тексту завещания предшествует инвокация: «*In XPisti nomine*»⁶⁸, или «*In nomine Domini*». Далее следует хронологическая и локальная дата; впрочем, в некоторых документах локальная дата может быть отнесена в конец, также как поименное перечисление свидетелей⁶⁹.

Введение начинается с обозначения полного имени завещателя и места его проживания. Например: «*Ser Carnevalis filius quondam domini*

⁶² *Atti & formule di Rolandino*. Notula. P. 97.

⁶³ Кононенко А. М. Нотариат Италии XIII века. С. 145–146.

⁶⁴ ЗЕС. Колл. 6 (Венеция и ее владения; далее: Колл. 6) картон 205, ед. хр. 75 (1373 г.), 96 (1378 г.).

⁶⁵ ЗЕС. Колл. 4 (Материалы по истории отдельных городов и областей Италии; далее: Колл. 4), картон 143, ед. хр. 11 (1343 г.).

⁶⁶ ЗЕС. Колл. 6, картон 205, ед. хр. 47 (1362 г.), 81 (1374 г.). Опубликованы полностью: Акты Падуи. Документ № 45 С. 107–110; документ № 76 С. 177–180.

⁶⁷ ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 18 (1301 г.), 39 (1348 г.); картон 134, ед. хр. 11 (1371 г.), 22 (1400 г.); картон 135, ед. хр. 1 (1449 г.), 4 (1460 г.), 5 и 6 (1463 г.).

⁶⁸ Имя Христа по традиции обозначалось двумя начальными греческими заглавными буквами, X и P: XPisti.

⁶⁹ Например, в завещании из Милана. Колл. 4, картон 143, ед. хр. 11 (1343 г.).

Viviani de contrata Sancti Thomaxii de Merlatis – сер Карневале, сын покойного господина Вивиано де Мерлатис из контрады Сан Томмазо»⁷⁰. Если документ составлялся в доме наследодателя, и это отражала локальная дата (например, Ferrarie, in contrata Sancti Thomaxii, in domo habitacionis infrascripte testatricis – в Ферраре, в контраде Сан Томмазо, в доме нижепоименованной завещательницы)⁷¹, то при написании его имени место его проживания как правило не обозначалось. Если завещание оставляла женщина, документ указывал ее семейное положение: «Domina Benedicta uxor quondam domini Galvani fabri – госпожа Бенедетта, вдова господина Гальвано, кузнеца»⁷². Другое завещание, составленное, как и предыдущее, в Ферраре в 1463 г. приказала изготовить «spectabilis et generosa matrona domina Violantes nata quondam magnifici et insignis comitis Ludovici de Sancto Bonifacio et uxor spectabilis viri comitis Antonii de Sacrato – знатная и благородная мать семейства, госпожа Виоланте, дочь ныне покойного славного и знаменитого графа Лодовико де Сан Бонифачо и жена знатного человека, графа Антонио де Сакрато»⁷³. Здесь следует подчеркнуть, что не только вдовы, но и женщины, состоявшие в браке, могли составлять завещание, то есть распоряжаться принадлежавшим им имуществом независимо от воли мужа⁷⁴.

Непрерывной частью введения, как это предписано в Сумме Роландина⁷⁵, является указание на причину, побудившую завещателя на составление этого документа. При этом обязательно свидетельство о его состоянии, особенно о том, что он находится в здравом уме и твердой памяти (*mente et sensu et bone memorie sanus*); ведь душевнобольные лишены возможности распоряжаться своим имуществом. Часто к этому присоединяется то, что завещатель, будучи здрав умом, болен и слаб телом (*corpore languens*). Реже отражалось то, что приказавший составить такой документ находится в полном здравии, то есть им двигало только опасение умереть, не оставив распоряжения своим имуществом (*ab intestato decedere*).

Важной частью введения являлось указание вида завещания: составлено ли оно наследодателем и представлено нотарию для окончательного оформления в письменном виде (*in scriptis*), или последняя воля объявлена в присутствии нотариуса и свидетелей устно (*sine scriptis*). Если речь идет об устном объявлении последней воли, задачей нотариуса является облечь такое завещание, называемое нункупативным (*testamentum nuncupativum*) в соответствующую форму.

⁷⁰ Феррара. ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 39 (1348 г.). Здесь и далее текст документов приводится в орфографии подлинника.

⁷¹ Феррара. ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 18 (1301 г.).

⁷² Там же.

⁷³ Феррара. ЗЕС. Колл. 4, картон 135, ед. хр. 6 (1463 г.).

⁷⁴ См. об этом: *Срединская Н. Б.* *Vona paraphema* и другое о дамах Феррары XIV в. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3 (7). С. 92–97.

⁷⁵ *Atti & formule di Rolandino. Notula.* P. 97.

Большинство рассматриваемых итальянских завещаний из собрания Лихачева являются нункупативными, содержат формулу, подобную следующей: «*presens nuncupativum testamentum sine scriptis*»⁷⁶. Логично, что такие документы, где волю наследодателя представляет нотариус, составлены от 3 лица: «*Ser Paduanus dictus Fero quondam Benedicti... per nuncupacionem suum talem condidit testamentum – сер Падовано прозванный Феро, сын покойного Бенедетто... посредством своего устного заявления такое завещание установил*»⁷⁷; форма 1 лица используется в них только для подписи нотариуса, составившего документ. Напротив, изложение содержания завещания, представленного нотариусом «*in scriptis*», использует форму 1 лица единственного числа: «*Ego, magister Lucianus medicus de confinia sancti Viti – Я, магистр Лючано, медик, из конфинии Сан Вито*»⁷⁸.

Начало основной части завещания содержит распоряжения о заупокойных службах и месте захоронения умершего. В заботе о спасении души завещателя часто выделяли определенные суммы для раздачи бедным и нищим, иногда узникам⁷⁹. В одном из завещаний выделены деньги на ремонт церкви, при которой желал упокоиться наследодатель⁸⁰. Для благочестивых целей предназначались не только деньги, но и движимое имущество. Например, госпожа Бенедетта, вдова господина Гальвано, кузнеца, оставила богадельне (*Domus Dei*) перьевую подушку и простыню, а госпиталю Сан Леонардо простыню из двух полотен ткани со своего ложа⁸¹.

Центральную, основную часть завещания, составляют легаты (сингулярное преемство) и назначение наследника (универсальное преемство).

Завещания редко позволяют во всей полноте оценить имущество наследодателя, поскольку в большинстве из этих документов подробно расписано только то, что входит в состав легатов; далее же обычно указывалось, что все остальное имущество (акт не содержит его описания), движимое и недвижимое, получает наследник.

Легатариям и наследникам оставлялась недвижимость (участки пахотной и луговой земли, виноградники; дома в городе и округе). Земля

⁷⁶ Падуа. ЗЕС. Колл. 6, картон 205, ед. хр. 81 (1374 г.). Опубликовано полностью: Акты Падуи. Документ № 76 С. 177–180.

⁷⁷ Падуа. ЗЕС. Колл. 6, картон 205, ед. хр. 47 (1362 г.). Опубликовано полностью: Акты Падуи. Документ № 45. С. 107–110.

⁷⁸ Венеция. Колл. 6, картон 205, ед. хр. 75 (1373 г.). Примечательно, что в миланском завещании, по всем признакам нункупативном, при изложении содержания используется форма 1 лица единственного числа: «*Ego in Dei nomine Ugo filius quondam domini Andree Rapacote de terra Canterii canonicus ecclesie sancti Vicentii plebis de Galliano*». Колл. 4, картон 143, ед. хр. 11 (1343 г.).

⁷⁹ В одном из завещаний выделена сумма для распределения между феррарскими узниками: *carceribus comunis Ferrarie*. ЗЕС. Колл. 4, картон, 135 ед. хр. 4 (1460 г.).

⁸⁰ «*Ecclesie sancti Prosdociimi in reparacionem eius*». Падуа. ЗЕС. Колл. 6, картон 205, ед. хр. 47 (1362 г.). Опубликовано полностью: Акты Падуи. Документ № 45. С. 108.

⁸¹ «*Item reliquid Domui Dei unum plumaciium de pena et unum lenzolum ex illis de suo lecto. Item reliquid hospitali Sancti Leonardi unum lenzolum de duobus telis de suo lecto*». Феррара. ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 18 (1301 г.).

могла передаваться по наследству в собственность и полное обладание (владение), но в иных случаях преемник наследовал только права на вещь, когда, например, на основаниях долгосрочной аренды (ливелл)⁸² она находилась в руках другого; собственник же получал ежегодный взнос (арендную плату) за пользование его землей.

Переживший супруг мог получить по наследству дом или землю не в собственность, а в узуфрукт – пожизненное право пользования и получения доходов с определенного имущества умершего. Такое право в качестве легата сер Падовано из Падуи предоставил своей супруге. Узуфрукт она могла получить, однако, на определенном условии: если останется жить в их доме вместе с их детьми и наследниками⁸³. Условия, поставленные завещателем, могли определенным образом ограничивать получение наследства. Например, отлагательное условие определяло время получения дочерью госпожи Бенедетты 10 феррарских сольди по легату: «quando nubet – когда выйдет замуж»⁸⁴. Возможности предъявления таких условий и их формы обозначены во втором, расширенном образце завещания Суммы Роландина⁸⁵.

Виды движимого имущества, указанные в завещаниях, весьма разнообразны: резное ложе, перины, подушки, простыни, платья, кафтаны, плащи, вооружение (копье и кираса); кузнечные принадлежности и инструменты (молот, наковальня, мехи); наконец, свинья с шестью поросятами, которая находилась в момент составления завещания у арендатора на основаниях сочиды⁸⁶.

Преемник наследовал не только имущество и права завещателя, но и его долги. В одном из итальянских актов это отражается, например, в предоставленной душеприказчикам полноте распоряжения его имуществом для удовлетворения всех его кредиторов, и в требовании вернуть приданое вдове недавно умершего сына наследодателя⁸⁷.

Некоторые итальянские завещания из собрания Н. П. Лихачева содержат субституцию – подназначение наследника на случай смерти наследника главного, назначенного наследодателем. Так, например, в документе 1348 г. указано, что в случае смерти наследницы, дочери завещателя, все наследство должно перейти к его сыну; если и он не сможет принять заве-

⁸² Ливелл – долгосрочное (обычно 29 лет с правом перезаключения контракта), наследуемое отчуждаемое право пользования чужой землей за ежегодное вознаграждение.

⁸³ ЗЕС. Колл. 6, картон 205, ед. хр. 47 (1362 г.). Опубликован полностью: Акты Падуи. Документ № 45 С. 107–110. Узуфрукт предоставлен супругу и в завещании госпожи Виоланте де Сакрато. ЗЕС. Колл. 4, картон 135, ед. хр. 6. Феррара, 1463 г.

⁸⁴ Феррара. ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 18 (1301 г.)

⁸⁵ *Atti & formule di Rolandino. Forma testamenti conditiones et dispositiones varias continentis.* Р. 95.

⁸⁶ *Socida* – договор аренды скота с половины приплода и продуктов животноводства. ЗЕС. Колл. 4, картон 134, ед. хр. 22 (1400 г.).

⁸⁷ *Quibus suis commissariis dedit plenam licentiam et liberam potestatem vendendi de suis bonis usque ad integram solutionem et satisfactionem omnium suorum debictorum.* Феррара. ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 39 (1348 г.).

шанное имущество, оно переходит к братьям наследодателя⁸⁸. Субституция касалась и легатов. Госпожа Изота, оставляя племяннику в качестве легата виноградник в окрестностях Феррары, распоряжается в случае его кончины передать эту землю основным наследникам⁸⁹.

Заключительная клаузула доступных нам итальянских завещаний выглядит примерно таким образом: «Et hoc est sua ultima voluntas et suum ultimum testamentum et si non possit valere iure testamenti, iure valeat codicilorum – и это его/её последнее волеизъявление и его/её последнее завещание, и если оно не сможет быть действительным в качестве (по праву) завещания, пусть обретет силу в качестве (по праву) кодицилла»⁹⁰. В других завещаниях такая формула дополняется распоряжением о вступлении документа в силу любым иным образом, если в рамках завещания это окажется невозможным. В падуанском завещании, например, одна из таких форм последнего волеизъявления, в соответствии с которой завещание должно сохранять силу, определена как «*donatio propter mortem*»⁹¹. Судя по всему, такая формула является обязательной и обозначена в обоих образцах завещаний, данных Роландином Пассагерием⁹².

Некоторые из исследуемых документов содержат объявление всех других своих завещаний недействительными; такая форма представлена только во втором, распространенном образце Роландина. Эта клаузула, как и предыдущая, как правило, завершает документ⁹³. Вряд ли можно сомневаться, что она включается в случаях, когда наследодатель ранее уже составлял завещания, и дошедший до нас акт является не первым его вариантом. Примером могут служить два завещания госпожи Лючии де Ледзуло 1460 и 1463 г.⁹⁴; каждое из них содержит формулу отмены предыдущих. Следует предположить, что самое раннее из ее завещаний не сохранилось.

Завершение документа – подпись нотария, его составившего. Во многих завещаниях (кроме падуанских) перед подписью нотария, придающей, наряду с его нотариальным знаком, документу официальную силу, в самом конце помещено перечисление имен свидетелей, присутствовав-

⁸⁸ ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 39.

⁸⁹ ЗЕС. Колл. 4, картон 134, ед. хр. 11 (1371 г.)

⁹⁰ Феррара. ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 18 (1301 г.).

⁹¹ ЗЕС. Колл. 6, картон 205, ед. хр. 47 (1362 г.). Акты Падуи. Документ № 45 С. 110. В римском праве такой вид изъявления последней воли именовался *donatio mortis causa*. Именно такую формулировку – *donatio mortis causa* – находим в другом падуанском завещании: ЗЕС. Колл. 6, ед. хр. 81 (1374 г.). Акты Падуи. Документ № 76. С. 179.

⁹² *Atti & formule di Rolandino. Forma brevis testamenti*. P. 94; *Forma testamenti conditiones et dispositiones varias continentis*. P. 95.

⁹³ Исключение составляет завещание из Милана, где объявление недействительными всех других находится в самом начале основной части документа. «*Inprimis namque casso et inrito et revoco et nullius valloris et momenti esse pronuntio omnino testamentum et ordinamentum et codicillium et ulltimas voluntates, que reperirentur me hinc retro fecisse seu condicisse, sive de eis existat memoria in scriptis, sive non*». Колл. 4, картон 143, ед. хр. 11 (1343 г.).

⁹⁴ ЗЕС. Колл. 4, картон 135, ед. хр. 4 (1460 г.) и 5 (1463 г.).

ших при оглашении последней воли наследодателя⁹⁵. По традиции, идущей от римского права, их число должно быть не менее семи, что соблюдено во всех исследуемых документах.

Таким образом, завершая рассмотрение североитальянских завещаний из собрания Н. П. Лихачева, можно заключить, что расположение частей их формуляра строилось в порядке, предписанном образцами Суммы Роландина. Их содержание, следуя за Суммой, настолько полно отражает влияние норм римского наследственного права, что в рамках этой работы трудно было бы перечислить все следы такого влияния и заимствования. Наследие Древнего Рима проявляется в завещаниях Северной Италии как возможность установления субституции; как необходимость вернуть приданое и другое женское имущество (которым муж не имел права распоряжаться без воли супруги и наследовать его); в виде ссылок на Фальцидиеву четверть, и, наконец, в том, что число свидетелей при объявлении последней воли завещателя – семь, как этого требовало римское право. Прежде всего следует выделить зафиксированную нашими актами возможность передачи имущества не только в собственность, но установления на него для наследника ограниченного вещного права в виде узуфрукта, то есть права пожизненного пользования этим имуществом и доходами от него. В состав наследственной массы входило как недвижимое, так и движимое имущество и права на него. Сумма Роландина Пассагерия не включала, однако, всего того, что мы находим в североитальянских завещаниях XIV–XV вв. Так, например, наследник мог получить в собственность землю, переданную в долгосрочное пользование другому (ливелл), или свинью с поросятами, которая находилась у арендатора на основаниях сочиды, а мог, напротив, получить в наследство не собственность, а то или иное ограниченное право на чужую вещь. В этих дополнениях и новшествах, введенных при составлении завещаний нотариями Северной Италии на основании дальнейшего проникновения в наследие Древнего Рима, можно судить об их вкладе в развитие и усовершенствование права.

Завещания Северо-Западной Руси

Русская часть актов представлена всеми сохранившимися новгородскими и псковскими завещаниями или «рукописаниями», если пользоваться понятием источника⁹⁶, давно вошедшими в научный оборот. Это

⁹⁵ Примечательно начало этой обязательной части документа в феррарском завещании 1301 г. как уточнение того, чему присутствовавшие должны были быть свидетелями: «Ad huius testamenti publicationem fuerunt testes presentes rogati per dictam testatricem, ea bone mentis et sane memorie existente – при обнаружении были свидетели, присутствовавшие по приглашению указанной завещательницы, пребывавшей в здравом уме и твердой памяти». Феррара. ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 18. Это предназначение свидетелей оглашения завещания обозначено Роландином Пассагерием.

⁹⁶ Акты цитируются по изданиям: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.; Л. 1949. (далее – ГВНП); Новые псковские грамоты. М., 1966. (далее – НПГ).

вошедшие в ГВНП акты №№ 103⁹⁷, 105⁹⁸, 110⁹⁹, 111¹⁰⁰, 120¹⁰¹, 126¹⁰², 129¹⁰³, 144¹⁰⁴, 155¹⁰⁵, 169¹⁰⁶, 170¹⁰⁷, 210¹⁰⁸, 217¹⁰⁹, 230¹¹⁰, 234¹¹¹, 239¹¹², 244¹¹³ 250¹¹⁴, 256–259¹¹⁵, 263¹¹⁶, 265¹¹⁷, 271¹¹⁸, 295¹¹⁹, 320¹²⁰, 328¹²¹, 344¹²²; а также обнаруженные и изданные Л. М. Марасиновой (НПГ) акты №№ 8¹²³, 10¹²⁴, 14¹²⁵, 15¹²⁶, 18¹²⁷, 30¹²⁸, 33–35¹²⁹. Итого, 38 документов (ГВНП № 344 и НПГ № 30 представляют разные редакции одного и того же документа – духовной Никиты Хома, поэтому мы считаем их за один акт), что составляет почти 10% от общего числа опубликованных в ГВНП и НПГ документов, что сразу выявляет некоторую особенность актов Северо-Запада по сравнению с актами Северо-Востока, среди которых процент завещаний ускользающе мал.

Здесь важно сразу сделать уточнение: «духовные» – преимущественно историографическое название, лишь немногие акты Северо-Запада Руси (ГВНП №№ 263, 265, 271) содержат это понятие, позаимствованное этими двинскими актами из традиций делопроизводства Северо-Востока

⁹⁷ ГВНП. С. 159–160.

⁹⁸ ГВНП. С. 162–163.

⁹⁹ Там же. С. 166–168.

¹⁰⁰ Там же. С. 169–171.

¹⁰¹ Там же. С. 177–178.

¹⁰² Там же. С. 184.

¹⁰³ Там же. С. 185–186.

¹⁰⁴ Там же. С. 195–196.

¹⁰⁵ Там же. С. 202.

¹⁰⁶ Там же. С. 211.

¹⁰⁷ Там же. С. 212.

¹⁰⁸ Там же. С. 237.

¹⁰⁹ Там же. С. 241.

¹¹⁰ Там же. С. 250–251.

¹¹¹ Там же. С. 253.

¹¹² Там же. С. 256.

¹¹³ Там же. С. 259.

¹¹⁴ Там же. С. 262.

¹¹⁵ Там же. С. 265–267.

¹¹⁶ Там же. С. 269.

¹¹⁷ Там же. С. 270.

¹¹⁸ Там же. С. 273–274.

¹¹⁹ Там же. С. 293.

¹²⁰ Там же. С. 308.

¹²¹ Там же. С. 312.

¹²² Там же. С. 329.

¹²³ НПГ. С. 50–51.

¹²⁴ Там же. С. 53.

¹²⁵ Там же. С. 56–57.

¹²⁶ Там же. С. 57–58.

¹²⁷ Там же. С. 59.

¹²⁸ Там же. С. 69–70.

¹²⁹ Там же. С. 72–75.

Руси¹³⁰, в виде самоназвания. Еще два древнейших акта (духовная Антония Римлянина, чья подлинность – предмет дискуссии, и духовная Климента, №№ 103 и 105 в ГВНП соответственно) не содержат самоназвания вовсе. Все прочие же завещания Северо-Запада Руси прямо названы «рукописаниями». Представляется, что разница между «духовной» и «рукописанием» не ограничивалась лишь самоназванием и его происхождением: различается формуляр. Так, в двух из трех имеющихся «духовных» отсутствуют обычные для северозападных завещаний *invocatio* в протоколе («во имя отца и сына и святого духа»), а также *sanctio* и *validatio* в эсхатоколе документа (а кто грамоту мою переступит...), («а тому послух Бог и отец мой душевный»). Кроме того, отсутствует одна из двух клаузул протокола, указывающих в прочих завещаниях на обстоятельства их составления: «при своем животе» или «уходя сего свету». По большому счету указанные «духовные» вообще помимо распорядительной части не имеют с «рукописаниями» общих элементов формуляра, сближаясь скорее с данными и вкладными. И думается, это не случайно. Дело не просто в заимствовании формуляра из актовой традиции Северо-Востока Руси (так, например, в этих же северозападных «духовных» появляется типично северо-восточная клаузула «кому ми что дати и у кого что взяти»), а в оформлении новой для Северо-Запад реалии – упрощенного завещания.

География дошедших до нас северозападных «рукописаний» также весьма разнообразна, а их распределение неоднородно. Абсолютное большинство составляют двадцать двинских актов, затем идут десять псковских, только потом пять новгородских и три обонежских. Очевидно, что такое количественное распределение случайно и перед нами лишь случайно уцелевшие осколки архивов новгородской и псковской земель. Вместе с тем, сохранившиеся рукописания при всем географическом разнообразии и неоднородности обнаруживают единство формуляра (кроме упомянутых выше трех двинских духовных, а также двух древнейших новгородских завещаний¹³¹, из которых подлинность «духовной Антония Римлянина» является предметом историографической дискуссии), отличного от структуры северо-восточных духовных, что позволяет рассматривать их как принадлежащие к единой документальной традиции.

Представляется, что разумно разделить сравнительный анализ на две части: в одной следует рассмотреть протокол и эсхатокол акта, как наиболее устойчивые части формуляра, а в другой *dispositio* или основную, распорядительную часть, содержащую, как правило, намного больше отдельных клаузул в различных комбинациях.

¹³⁰ То, что именно на дошедшие двинские акты оказало влияние делопроизводство Северо-Востока, уже отмечалось в историографии: *Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт XII–XV вв. М., 1986.

¹³¹ ГВНП. № 103 С. 159–160, № 105 С. 162–163.

Итак, протокол северозападных рукописаний состоит из следующих трех обязательных составных элементов: invocatio «во имя отца и сына и святого духа», intitulatio «се язь раб божий ИМЯРЕК», далее следуют обстоятельства написания завещания либо «списах рукописание при своем животе», либо «уходя сего света списах рукописание», что, соответственно, указывает на то, составлялось завещание ввиду неминуемой кончины или нет. Факультативно, к последней части протокола могла примыкать также клаузула «своим целым умом», т. е. указание на душевное состояние завещателя. Не стоит, думается, видеть в этой клаузуле непосредственное влияние средневекового итальянского «римского права», в котором, как было сказано выше, такое указание было обязательным. Скорее, учитывая, «двинское» происхождение формулы¹³², она возникла вследствие влияния документальной традиции Северо-Востока. Эсхатокол состоит из validatio «а но то послух Бог и отец мой душевный ИМЯРЕК»¹³³ и sanctio «А хто сие рукописание преступит судиться со мной перед богом в день страшного суда»¹³⁴, в ряде случаев следует еще указание на непосредственного составителя (писца) рукописания «А писал рукописание дьяк Еремей святого Михаила»¹³⁵.

Если сравнивать протокол и эсхатокол рукописаний Северо-Запада Руси с выбранными завещаниями Северной Италии, то можно констатировать следующее. Начальный и конечный формуляр первых выглядит несомненно короче и сокращеннее (или, наоборот, менее развитым), чем протокол и эсхатокол вторых. Все имеющиеся в русских актах части формуляра (invocatio, intitulatio, обстоятельства написания завещания, sanctio, validatio) присутствуют и в итальянских. В остальном, как уже было сказано выше, протокол и эсхатокол итальянских актов выглядит полнее, чем русских. В последних отсутствует ряд важных элементов, являющихся, как говорилось выше, обязательными (necessaria) для итальянских документов, а именно: хронологическая и локальная дата и в большинстве случаев перечисление свидетелей.

Необходимо рассмотреть эти различия подробнее. Начнем с последнего. Перечисление свидетелей в ряде «рукописаний» все же присутствует: Например, в эсхатоколе ГВНП № 155 после уже упомянутой обязательной клаузулы «А на то послух бог и отец мой душевный...» идет другая «а на душе были Михайло Офромеевич, Максим Федорович, Левонтий Сменович, поп Степан, зять его, Селюше Павлове, Тимошка Федоров, Тимофей Баи, зать его, Левуша Бутаков», что, по всей видимости, является перечислением свидетелей, присутствовавших при составлении

¹³² Встречается в двинском «рукописании» ГВНП № 256. С. 265–266, а также двинских же «духовных» ГВНП №№ 263, 265, 271. С. 269, 270, 273–274.

¹³³ Ниже мы попытаемся показать, почему мы считаем эту клаузулу именно validatio, а не перечислением свидетелей.

¹³⁴ Например, ГВНП. № 110. С. 168.

¹³⁵ ГВНП. № 110. С. 168.

завещания¹³⁶. В ГВНП № 210 также отдельно упомянуто два послуха¹³⁷, в ГВНП № 226 – четыре человека были «на душе»¹³⁸, в ГВНП № 230 названы трое «свидетелей и приказчиков»¹³⁹, в ГВНП №№ 234, 239 перечислено по три человека, которые «сидел при рукописании» или «на душе»¹⁴⁰, четыре человека (причем здесь «на душе» сидели «суседи», в числе которых «Степан кожевник») в ГВНП № 256¹⁴¹, в ГВНП № 263, 271 – четыре человека (причем в последнем случае «на душе» сидят «мужи великого князя»¹⁴². В НПГ № 10 «на то» (то есть, излагавшиеся до этого распоряжения) послухами названы Исак Волосович Милославский и посадник Рагъдуръ Терешков¹⁴³, в НПГ № 15 называются два приказчика, которым вменяется распоряжение имуществом, при этом не понятно, присутствовали они при составлении рукописания или нет.¹⁴⁴

Таким образом, получается, что свидетели названы поименно менее чем в трети от всех дошедших до нас северозападных рукописаний, что казалось бы не дает нам основание говорить о повсеместном распространении указания свидетелей в этом типе документов. Здесь, однако, нужно учесть одно важное обстоятельство: только 15 из рассматриваемых 36 документов дошли до нас в пергаменных подлинниках, остальные 21 – в поздних бумажных списках XVI–XVII вв., причем зачастую очевидно весьма сокращенных. Некоторые из этих поздних списков (но далеко не все) озаглавлены «список с хартейной грамоты слово в слово», что можно условно считать указанием на попытку переписчика передать весь текст акта, но уверенности в том, что имена свидетелей опущены не были, у нас, конечно, нет. Очевидно, что именно они были первыми на опущение при составлении списка, так как основная функция института свидетелей спустя сто и более лет уже была бессмысленна. Если посмотреть на упоминания свидетелей в пергаменных подлинниках, то мы увидим, что почти в половине случаев (7 штук) они все же есть, оставшиеся 4 упоминания приходятся на поздние списки. В 10 псковских актах, 9 из которых дошли в поздних списках и только один в пергаменном подлиннике¹⁴⁵, есть только одно прямое упоминание свидетелей (НПГ № 10) и одно возможное (НПГ № 15), причем в обоих случаях речь именно о поздних спи-

¹³⁶ ГВНП. № 155. С. 202.

¹³⁷ ГВНП. № 210. С. 237

¹³⁸ ГВНП. № 226. С. 248.

¹³⁹ ГВНП. № 230. С. 251.

¹⁴⁰ ГВНП. № 234. С. 253, 256.

¹⁴¹ ГВНП. № 256. С. 265.

¹⁴² ГВНП. № № 263, 271 С. 269, 274.

¹⁴³ НПГ. № 10. С. 53.

¹⁴⁴ НПГ. № 15. С. 57–58.

¹⁴⁵ Тут, правда, нужно сделать оговорку: датировка рукописания 1417–1421 гг., предложенное Л. М. Марасиновой по персоналиям (завещательница Акилина и ее муж князь Федор) (НПГ. С. 72) входит в явное противоречие с ее же атрибуцией печати, как принадлежащей к типу 1469 г. (НПГ. С. 73). То есть, встает вопрос, а не имеем ли мы дело с пергаменным списком?

сках. То есть, очевидно, что распределение упоминаний свидетелей между пергаменными оригиналами и бумажными списками неравномерное в пользу первых. Отметим еще одну закономерность: при всей сложности с датировкой в грамотах Северо-Запада Руси все надежно датируемые по каким-либо признакам рукописания (как оригиналы, так и списки) относятся к середине или второй половине XV столетия, в первой его половине списки свидетелей отсутствуют. Это, при всей случайности и малой репрезентативности дошедших актов, позволяет сделать осторожное предположение, что перечисление свидетелей в рукописаниях стало постепенно распространяться со второй половины XV века, то есть его нельзя считать реликтом какого-то архаичного института, перекочевавшего в письменные акты из обычного права, как полагал В. Ф. Андреев¹⁴⁶. Остается, однако, вопрос, появилось ли упоминание свидетелей как следствие влияния северо-восточных актов, либо другой, еще не определенной дипломатической системы, или же развилось самостоятельно.

Следующее различие между завещаниями Северной Италии и Северо-Запада Руси состоит в отсутствии в последних дат: локальной и хронологической, то есть, указаний на место и время составления завещания. Напомним, что согласно нормам права Средневековой Италии они относились к обязательным клаузулам, без которых завещания, и вообще всякие документы теряли свою силу. Отсутствие дат тем более примечательно, что в некоторых актах это присутствует, причем приводятся они в весьма сходной с итальянским актом манере: день, месяц, год, индикт.¹⁴⁷ Более того, в некоторых, опять таки немногочисленных северозападных частных актах других типов в XV веке дата уже есть¹⁴⁸. То есть, складывается довольно парадоксальная картина: в XV в. датировки постепенно распространяются в русском частном акте, но в то же время совершенно не затрагивают северозападные рукописания.

¹⁴⁶ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. М., 1986.

¹⁴⁷ См., например: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. I. С. 87, 180, а также на некоторых (но не всех) других. Причем, располагалась в двух указанных случаях дата на дорсальной стороне грамоты вместе с *validatio* митрополита.

¹⁴⁸ Псковские: купчая 1424\1425 г. (НПГ. № 21. С. 61), данная 1447\1448 г. (НПГ. № 22. С. 61); новгородская данная 1466\1467 г. (ГВНП. № 119. С. 177); двинские: закладная 1466\1467 (ГВНП. № 152. С. 200), данные 1465\1466 г. и 1469\1470 г. (ГВНП. № 218, 219. С. 242–243). Во всех вышеперечисленных грамотах дата содержит только год (по летоисчислению от сотворения мира, отсюда, соответственно, двойная датировка по летоисчислению от РХ); важская данная 1451\1452 г. (ГВНП. № 280. С. 281). Кроме того, есть несколько актов с более точной датой: двинская купчая 9 марта 1472 г. (ГВНП. № 220. С. 244), важская данная 2 февраля 1470 г. (ГВНП. № 281. С. 282). Кроме того, три древнейшие обонежские грамоты (XII в. – дата только год, причем в протоколе, и XIV вв. – развернутая дата в одном случае в протоколе, в другом в эсхатоколе) содержат хронологическую дату. Однако, как раз внутренние даты, да еще в такой специфичной для древних актов форме и послужили одним из оснований, на которых С. Н. Валк утверждал, что эти три обонежских акта – не подлинны (Валк С. Н. Начальная история древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины М.; Л., 1937, С. 285–318.)

Думается, что объяснение этому явлению стоит искать в специфике составления и хранения таких рукописаний. Как отмечал Ю. Г. Алексеев, завещание как документ имеет свою особенную специфику: будучи используемым после смерти составителя, оно в большей степени чем другие типы актов подвержено риску искажения воли составителя¹⁴⁹. Соответственно, оно должно быть защищено от такого возможного искажения, следовательно валидация завещания играет особую роль. Здесь стоит задаться вопросом, какую роль в валидации играет дата? Очевидно, что функция даты в завещании отлична от таковой, например, в купчей, в которой дата фиксирует время передачи прав собственности, с которого, соответственно, меняются юридические связи между различными людьми и имуществом. Например, доход с недвижимого имущества должен отходить к новому хозяину с момента заключения сделки, не раньше и не позже. Дата же завещания имеет другое значение, ведь юридические последствия завещания начинаются не с даты его написания, а с момента смерти завещателя.

Итальянские завещания составлялись нотариями, для которых составление частных актов было до поры главным занятием. О составлении акта делась краткая запись самого нотариуса с указанием даты и краткого содержания завещания, но сами оригиналы завещаний хранились не в архиве нотариуса или коммуны, а у частных лиц: самого завещателя или его наследников. Соответственно, дата стала важнейшим элементом валидации: она была нужна для сверки оригинала завещания. На Северо-Западе Руси ситуация была принципиально другой: здесь не было ни нотариусов, ни их записей – имбревиатур. Представляется, таким образом, что следующие три вопроса нужно рассматривать в тесной связи друг с другом: отсутствие даты, личность составителя завещаний и, наконец, принципы валидации завещаний.

Итак, в отсутствии имбревиатур, содержащих краткие списки завещаний, единственно, для чего могла бы потребоваться внутренняя датировка, это ситуация, когда разные люди предъявили бы разные завещания на одно и то же имущество, соответственно, более позднее было бы действующим. Однако, такое восприятие следует из современных реалий и современных принципов валидации документов. Они были другими на Северо-Западе Руси в XIV–XV вв. Далее, речь пойдет преимущественно о Пскове, поскольку данные по нему полнее. Насколько можно экстраполировать эту ситуацию на Новгород – вопрос довольно сложный, однако близость правовых традиций позволяет, наверное, делать это, хотя и с особой осторожностью.

В Пскове именно сами оригиналы завещаний помещались в ларь Святой Троицы, то есть, архив Пскова и Псковской земли. О важности ларя для общественной жизни города уже говорилось выше в полемике

¹⁴⁹ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная Грамота и ее время, Л., 1980. С. 92–111.

с К. В. Вершининым (в начале статьи). Сами рукописания, соответственно, существовали в единственном экземпляре, хранящемся в ларе. В отдельных случаях, по-видимому, с них могли делать выписки¹⁵⁰, но юридической силы они не имели, в отличие от собственно хранившихся в архиве «ларных рукописаний»¹⁵¹. В случае изменения воли завещателя и составления нового завещания, по всей видимости, старое изымалось из ларя и разрывалось¹⁵². Таким образом, не было вовсе никакой нужды во внутренней датировке рукописания. Оно существовало всегда в единственном экземпляре, вне времени, было обращено в вечность. Неслучайно, думается, то что в сравнении со всеми остальными видами частных актов именно рукописания имели больше всего отсылок к Богу, он выступал в роли символического послуха в эсхатоколе, к нему было обращено *invocatio* протокола, отсутствующее во всех прочих видах северозападного частного акта. Именно божественная кара была наказанием для тех, кто собирался «преступить рукописание».

Однако, в отсутствии института нотариев, имбревиатур и ограниченных возможностей в заверении грамот печатью¹⁵³, возникает вопрос: как обеспечивалась валидация рукописаний до их передачи в ларь и «запечатывания»? Здесь уместно вспомнить, что все псковские рукописания содержат в протоколе клаузулу «аз... уходя сего свету», то есть были выражением воли умирающего. Вряд ли можно представить, что находящийся на смертном одре завещатель метался по Пскову в попытках заверить свою волю в одной из двух имеющихся инстанций. Разумеется, легче представить обратное: завещание составлялось у его одра («при душе»). Но кто же составлял завещание? В. Ф. Андреев предположил, что завещания составлялись непосредственно завещателями, исходя из того, что все северозападные завещания в отличие от прочих разновидностей частного

¹⁵⁰ Такой, по всей видимости, стоит считать НПП № 31 (НПП. С. 71), являющейся выпиской из «ларного рукописания» Никиты Хо́ва, известного как НПП № 30 (НПП. С. 69–70)

¹⁵¹ Понятие «ларное рукописание» известно нам не только по актам, но и по ПСГ. Так, например, статья 14 ПСГ гласит: «А кто положит доску на мртваго о (з)блюдень(е), а имет искати на приказникох того соблюдения, сребра или платна, или круты, или иного чего животнаго, а тот умршей с подряднею и рукописание у него написано и в ларь положено, ино на тых приказникох не искати чрез рукописание ни зсудиа без заклада и без записи и на приказникох не искати ничего». То есть, речь идет о запрете подавать иск на имущество умершего, завещание которого лежит в ларе, при отсутствии документально подтвержденного основания для иска. ПСГ. С.

¹⁵² Мы можем сделать такой вывод на основе летописных упоминаний публичного разрывания грамот из ларя. Например, так произошло с той самой грамотой, которую священники вложили в ларь в 1468 г. Уже на следующий год приехавший в Псков владыка Иона требует: «а язь тоа сам хочу соудити здесь, а вы бы есте тоуя выням грамотоу подрали» (Псковские летописи. Вып. II. С. 166). В другом случае на заключительном этапе «брани о смердах» псковичи «списаноу грамоту мертвую на посадников из ларя выкынуша» (Псковские летописи. Вып. II. С. 66).

¹⁵³ Согласно ПСГ «запечатать» грамоту можно было либо «у князя», «либо у Святой тропицы», то есть, непосредственно в архиве: ПСГ. Ст. 50.

акта составлялись от первого лица¹⁵⁴. То есть, что они были чем-то вроде латинских завещаний *in scriptis*, т. е. составляемых самими завещателями в письменном виде, а потом заверяемых нотарием. Представляется, однако, что такое понимание, основанное на буквальном прочтении источника, не может быть принято по ряду причин.

В ряде рукописаний даже при наличии в протоколе «яз... списках рукописание», в эсхатоколе одновременно присутствует другая формула, вступающая в противоречие с таким пониманием протокола: «А писал рукописание дьяк Еремей святого Михаила»¹⁵⁵ или ««А рукописание писалъ отец мой душевный игумен Севастьян»¹⁵⁶. Возникающее противоречие, думается, стоит трактовать в пользу доверия эсхатоколу, а не протоколу, а формулу последнего стоит понимать лишь как выражение непосредственной воли завещателя, а не как свидетельство того, что он сам непосредственно буквально писал текст завещания. Это замечание подкрепляется еще одним соображением: трудно представить себе, что все завещатели знали формуляр рукописаний, а ведь уже не раз отмечалось выше, что рукописания составлялись не в произвольной форме, а согласно устойчивому, по крайней мере в XV веке, формуляру. Вообще вопрос о том, каким образом достигалась эта устойчивость, учитывая, что от традиции северозападного частного акта до нас не дошло ни одного формулярника (известных по Московскому государству с конца XV столетия) или руководства по составлению актов, (подобного Сумме Роландина Пассагерия), подводит нас к тому, что должна была существовать группа людей, занимавшихся составлением актов, в том числе и рукописаний, и сохранявших и передававших по памяти или каким-то еще путем¹⁵⁷ знание формуляра.

Все сходится на фигуре «отца душевного», который неизменно упоминается в качестве символического¹⁵⁸ послуха вместе с самим Богом. В действительности, конечно, он выступает скорее в роли своеобразного нотариуса, составлявшего документ. Даже когда в качестве писца выступает «дьяк Еремей святого Михаила», символическим послухом назван «отец душевный поп Амос святого Михаила», то есть первый, находясь в подчиненном положении по отношению к последнему, лишь выполнял черновую работу писца, а заверителем и действительным составителем акта был именно «поп Амос». Думается, что именно «отец душевный»

¹⁵⁴ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. М., 1986.

¹⁵⁵ ГВНП. № 110. С. 168.

¹⁵⁶ Там же. № 239. С. 256.

¹⁵⁷ Известный нам берестяной черновик акта, возможно, был одним из тех образцов, через которые этот опыт передавался и сохранялся.

¹⁵⁸ Символичность его фигуры определяется двумя факторами: тем, что он упоминает вместе с богом, и тем, что в ряде случаев, как было показано выше, в рукописании присутствует и список настоящих послухов. Очевидно, что то, что и отец душевный с Богом с одной стороны, и действительные свидетели называются одинаково «послухами», есть лишь свидетельство относительной бедности понятийного аппарата частного акта Северо-Запада Руси.

всегда был непосредственным составителем завешания и заботился о его дальнейшем заверении. Его упоминание в рукописании было обязательным, ведь именно он служил временным гарантом истинности воли завещателя (до тех пор, пока рукописание не вложено в ларь). Таким образом, клаузулу «а на то послух Бог и отец мой душевный» стоит признать, конечно, не указанием на свидетелей, а *validatio* рукописания, аналогом нотариального заверения в итальянских актах.

Подводя предварительный итог сравнению протоколов и эсхатоколов рукописаний Северо-Запада Руси и завещаний Северной Италии, нужно сказать следующее. Первый, очевидный вывод заключается в том, что между двумя объектами сравнения существуют существенные различия, которые не позволяют предположить, что последние оказывали непосредственное влияние на последние. Однако, существующие черты родства формуляра (*invocatio*, *intitulatio*, *validatio*, *sanctio*, *arenga*, т. е. обстоятельства составления завешания) не позволяют и полностью отрицать возможность некоего генетического родства. Те различия, которые были отмечены, объясняются спецификой социально-экономической жизни в обоих случаях. Если поставить вопрос о том, вписываются ли северозападные рукописания в требования римского права в более архаичном варианте, то ответ будет несомненно положительным. Ведь единственным требованием к завещаниям, которое выдвигалось Дигестами Юстиниана было название имени наследника: «Луций – наследник», что считалось достаточным для валидности завешания¹⁵⁹. Таким образом, завещания XIV–XV вв. северной Италии несомненно не оказывали прямого влияния на современные им рукописания Северо-Запада Руси, однако влияние предшествующей римской традиции остается все еще под вопросом. Чтобы попытаться ответить на него обратимся от формулярной части завещаний к сущностной, диспозитивной части, сравним не формулы, а нормы права и стоящие за ними реалии.

Распорядительная часть северозападных рукописаний начинается, как правило, с формулы «приказываю», а не «даю» как в северо-восточных «духовных» и состоит из назначения наследников, причем, как уже отмечалось в историографии, северозападные завещания знают разделение на наследование по завещанию и наследование по закону (без завещания, близким родственникам)¹⁶⁰. Имущество, передаваемое по наследству, состоит главным образом из «отчины» (недвижимого имущества) и «живота», под которым исследователи чаще видят имущество движимое. Могли перечисляться и отдельные предметы, передаваемые по наследству. Так, в духовной Акилины, жены псковского князя Федора перечисляются «Подволоку камчатая, тарлоп куней, кадмей свой черевчаты,

¹⁵⁹ Si autem sic scribat: “ lucius heres”, licet non adiecerit “esto”, credimus plus nuncupatum, minus scriptum: et si ita: “ lucius esto”, tantundem dicimus: ergo et si ita: “ lucius” solummodo. (Dig. 28.5.1.5)

¹⁶⁰ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная Грамота и ее время, Л., 1980. С. 92–111.

платье белое»¹⁶¹, такое подробное перечисление отдельных предметов, передаваемых по наследству отнюдь не является какой-то специфически локальной особенностью новгородско-псковских рукописаний, но известен и по рассматриваемым итальянским актам.

Более существенной чертой сходства с последними стоит признать наличие в рукописаниях Северо-Западной Руси (и неизвестного при этом по актам Северо-Востока) принципа субституции – замены при определенных условиях (обычно смерти) одного наследника на другого. Так, например, в псковском рукописании XV (НПГ № 14) века мы находим следующий пассаж: «а село свое в Смольнинской губе даю жене своей Федосье до живота и до замужа, а только поидет жена моя замуж или помрет, ино село свое землю даю брату своему Василию до живота». Далее после «живота» Василия село передается следующим по старшинству братьям¹⁶².

Наконец, важнейшей чертой, сближающей акты Северо-Запада Руси с итальянскими завещаниями и отсутствующей при этом в традиции духовных Северо-Востока Руси, является наличие двух форм передачи по наследству: «одерень» и в кормлю. В существующей литературе уже не раз высказывалось мнение, никем еще, кажется, не оспоренное, что выражение «одерень», встречающееся не только в рукописаниях, но и в других типах актов, обозначало полную собственность над имуществом. В то же время «кормиться до живота» соответствовало лишь пользованию имуществом (до наступления определенных условий) без права его отчуждения, что подтверждается нормой статьи 72 ПСГ, устанавливавшей наказание за продажу «кормли»: «А которому человеку будет кормля написанна в рукописании, и да грамотами владеть земельными учнет или исадскими, а продаст тую землю или (и)сад, или иное что, а доличат того человека, ино ему земля та, или или исад, или иное выкупить, а свою крмлю покрал»¹⁶³. Стоит добавить, что очевидно эта разница между «кормлей» и «одерень» очень четко воспринималась и понималась составителями рукописаний. Один и тот же человек мог получить по одному и тому же завещанию часть имущества в «одерень», а часть «в кормлю». Например, в рукописании Никиты Хова (НПГ № 30): «А что село мое Внитичи, то даю жене своей Катерины и дочери Ксеньи и внуки своей Зиновье. А изнесутся жена моя и дочка моя и внука моя, ино то село даю Николе на Могильник себе на память и роду своему. А клеть свою на огороде и что есть в клети то даю жене своей Катерине и дщери своей Ксенье и внуке моей Зиновье а то им в одерень»¹⁶⁴. То есть, «село Внитичи» дается «жене Катерины и дочери Ксенье и внуки своей Зиновье» в пользование до смерти, в то время как «клеть на огороде и что есть в клети» да-

¹⁶¹ НПГ. С. 73.

¹⁶² НПГ. С. 56–57.

¹⁶³ ПСГ. Ст. 72.

¹⁶⁴ НПГ. С. 69–70.

ется им в полную собственность. Точно также Акилина, жена псковского князя Федора, дает своему мужу часть имущества «в кормлю», а часть «в одерень»¹⁶⁵.

Такое разделение на пожизненное пользование имуществом и полное право собственности буквально совпадает с понятиями римского права «*proprietas*», то есть собственность, обычно в актах появляющееся в виде «*ad proprium*» (в собственность) или «*iure proprio*» (по праву собственности)¹⁶⁶, и «*ususfructus*», то есть буквально «пользование плодами», представлявшее собой пожизненное право пользование имуществом без права отчуждения¹⁶⁷. Близость понятий «одерень» и «кормля» с одной стороны, к понятиям «*proprietas*» и «*ususfructus*» с другой, прямо в литературе не постулировалось, однако имплицитную отсылку на такое сходство можно увидеть у Ю. Г. Алексеева, который видел в «кормле» и «одерень» свидетельство развития частной собственности и, соответственно, «феодализации» общественной жизни, проявившейся в частности в новых правовых понятиях что конечно же в рамках марксистской парадигмы, согласно которой право есть надстройка над экономическим базисом, предполагало сближение русского средневекового права с европейским. При этом, Ю. Г. Алексеев отрицал прямое влияние римского права на древнерусское, подчеркивая именно типологическое сходство отдельных положений¹⁶⁸.

Действительно, все рассмотренные выше черты близости в диспозитивной части завещаний между рукописаниями Северо-Запада Руси и итальянскими завещаниями (разделение на движимое и недвижимое имущество, принцип субституции, универсальное и сингулярное преемство, различие пожизненного пользования и права собственности на имущество) можно, на первый взгляд, объяснить простым типологическим сходством, возникшим вследствие схожего социально-экономического и социально-политического развития, а не генетическим родством (хотя и не исключает такую возможность), проистекающим из влияния латиноязычной традиции на древнерусскую.

Купчие Северо-Западной Руси

Новгородские и псковские купчие в количественном отношении составляют самую крупную группу актов Северо-Запада Руси. Они уже не раз подвергались в историографии тщательному анализу, как с точки зрения дипломатики, так и сквозь призму истории права. Формуляр их был подробно рассмотрен В. Ф. Андреевым, с основными выводами которого можно в целом согласиться. По мнению исследователя, структура северо-западных купчих состоит из четырех больших клаузул. Первая со-

¹⁶⁵ НШГ. С. 72–73.

¹⁶⁶ *Срединская Н. Б.* Феррара XIV века. С. 48–66.

¹⁶⁷ *Срединская Н. Б.* Феррара XIV века. С. 48–66.

¹⁶⁸ *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная Грамота и ее время, Л., 1980. С. 92–111.

стоит из диспозитивной формулы «се купи», имен покупателя и продавца и описания предмета сделки, соответствуя в общих чертах *intitulatio*, *inscriptio* и части *dispositio* средневекового западноевропейского акта. Вторая клаузула, начинающаяся словами «а дал», описывает сумму сделки (в псковских актах зачастую отсутствует). Третья, на которой мы подробно остановимся ниже, включает описание возникающих вследствие сделки прав покупателя. Вторую и третью клаузулы можно, по мнению В. Ф. Андреева, классифицировать как *dispositio*, в то время как четвертую следует сопоставлять с *conprobatio*: в ней перечисляются свидетели – послухи (обязательный элемент), а также опционально имя писца, имя человека, который «стоял у печати», и имя того, кто присутствовал «у завода», то есть, принимал участие в процедуре передачи земли продавцом покупателю¹⁶⁹.

Поверхностный сравнительный анализ формуляра актов Северо-Запада Руси и средневековой Италии конечно же приводит нас к выводу о краткости и лаконичности первого по сравнению со вторым, что конечно же исключает прямую генетическую связь между ними, подобно той, что прослеживается в случае с нормой об узуфрукте вдовы, восходящем к кодексу Юстиниана¹⁷⁰. Вместе с тем, нельзя и отрицать некоторую близость, постулированную В. Ф. Андреевым – все элементы формуляра новгородско-псковских актов, кроме перечисления послухов, имеют прямые аналогии в итальянских актах. Рискнем предположить, что перечисление послухов на Руси и его отсутствие в итальянских документах объяснимо довольно просто: все дело в различных принципах валидации документа. В средневековой Италии частные акты составлялись нотариями, чья удостоверительная подпись («Ego, ИМЯРЕК, scripsi») в самом конце документа вместе с уникальным нотариальным знаком, служили подтверждением подлинности документа. Кроме того, нотариус вносил акт в свою книгу имбревиатур, фиксируя таким образом заключение сделки. На Северо-Западе Руси дело обстояло иначе: в отсутствие института профессиональных нотариусов акт составлялся неким лицом (в случае завещаний, как было показано выше, им был священник – духовник завещателя, однако вряд ли можно экстраполировать это на купчие), после чего передавался покупателю (в редчайших случаях продавцу), который хранил его для подтверждения своих прав. В такой ситуации единственным инструментом, могущим подтвердить подлинность документа, был институт свидетелей (не чуждый, кстати, и римскому праву), которые могли лично подтвердить его валидность. Вышесказанное, конечно, нельзя рассматривать иначе, чем предположение, но к вопросу о валидации акта

¹⁶⁹ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. М., 1986.

¹⁷⁰ См. выше; а также: *Вовин А. А., Срединская Н. Б.* Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв.: вдова и имущество покойного мужа // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2022. № 1 (31). (Далее: *Вовин А. А., Срединская Н. Б.*) С. 105–116.

и его составители мы вернемся ниже, рассматривая завешания, где, как представляется, этот вопрос выглядит значительно более выпукло.

Здесь же, представляется более логичным рассмотреть через призму сравнительного метода те формы прав, которые могли возникать в отношении продаваемой земли у покупателя. Выше уже было показано, что в итальянских актах XIV – XV вв. прослеживается разделение права собственности на вещь (*proprietas*) и владения вещью (*possessio*), в римском праве друг другу противопоставленных, а также держание вещи (*detentio*). Держание близко примыкает к владению, так как также указывает на фактическое обладание вещью (в то время как собственность указывает на право на вещь).

Начнем сразу с главного тезиса, обоснование которого последует ниже: в актах Северо-Запада Руси несмотря на отсутствие точных определений и философского осмысления вышеуказанных категорий, несомненно присутствует разделение как минимум на полную собственность над вещью с одной стороны (во всех случаях речь идет о недвижимом имуществе) и владением ею с другой.

В. Ф. Андреев отмечал, что третья клаузула новгородских и псковских купчих неизменно содержит формулу «одерень» или «в веки», что указывает на полное право собственности, переходящее к покупателю после завершения сделки. Если со значением формулы нужно согласиться¹⁷¹, то вот с «неизменностью», пожалуй, нет. В двух документах, классифицируемых как купчие, эта формула опущена. Речь идет об актах, опубликованных в Грамотах Великого Новгорода и Пскова (далее – ГВНП) под номерами 296 и 321¹⁷². Первый документ действительно открывается словами «Се купи...» и далее следует первая клаузула, характерная для купчих, но затем становится ясно, что речь идет не о покупке «одерень» или «в веки». Позволим себе подробно процитировать документ: «а ловити Ивану и Денесье, Максиму Менуевым детям в Кими рики под Ужмою юндою. Тако володети ему иным Олексиевым участком, землею и водою, и лопью и празгою межу корелой, куды все 5 родов володеют. А даст Иване и его братья Денесья, Максиме на той земли на Олексиевы участки Фалелею Валдольскому, и Сави и Сидору Юрьевым детям 8 сороков белки да рубль серебром. А володети Ивану, и Денесью, и Максиму Менуевым детям тою землею, тым Олексиевым участком, до кун». Вероятно, эту коллизию следует понимать не как куплю-продажу, а как определенную форму заклада земли. «Менуевы дети» платят указанную сумму «Юрьевым детям» и взамен получают право пользоваться («ловити») их землей «до кун», то есть, очевидно, до тех пор, пока долг не будет уплачен. Причем показательно, что мнимые, как мы видим, покупатели

¹⁷¹ Кажется, никто еще в историографии не пытался оспорить этот тезис, в то время как «одерень», отсылающее к древним обрядам с дерном, общим для многих индоевропейских народов, и тем более формула «в веки» очевидно свидетельствует в пользу такого значения.

¹⁷² ГВНП. С. 294–295, 308.

будут землей «володети», то есть, как минимум в этом документе этот глагол служит не для обозначения права собственности на землю, а права ее использовать фактически. Точно такую же картину мы наблюдаем и во втором, намного более кратком документе (ГВНП № 321), который точно также открывается формулой купчей, но затем вместо «в одерень» или «в веки» идет «володети до кун». Можно было бы сказать, что само «купи» не обязательно использовалось именно для передачи прав собственности, как и в случае с «vendit» итальянских документов, но все же случаи единичны, так что ограничимся сомнением в том, что принятая в историографии классификация частных актов по начальной формуле, всегда точно отражает характер документа. Так, например, один из двух древнейших¹⁷³ новгородских актов – данная Антония Римлянина – должен быть признан купчей, так как речь в нем идет именно о покупке: «купил есми в дом у Смехна да у Прохна у Ивановых детей у посадничих. А дал есми сто рублев»¹⁷⁴.

Из вышесказанного ясно, что не следует ждать фактической точности в самоназваниях актов Северо-Запада и для рассмотрения вопроса о разных формах вещного права в Новгороде и Пскове необходимо выйти за рамки только тех актов, которые принято называть «купчими» по начальной формуле. Отмеченное выше значение глагола «володети» как временного, условного, но при этом фактического обладания землей прослеживается и в других документах. Так, в ГВНП № 167 читаем: ««Се дал Алекс чернец святому Николе и веке землю... куплю свою..., а отчины своей весь свой участок приказал Василии братье своей володети до моего живота. А по моем животе отдайте, братья моя, отдайте отчину мою, отдайте земли и пожни святому Николе и веки». То есть, монах отдает свою «отчину» во владение своему брату Василию до своей(!!!) смерти, после чего она должна перейти в собственность (в веке) монастыря. Любопытна проговорка от первого лица («моего живота, по моем животе»), странная для акта составленного от третьего. Это, кажется, может служить определенным свидетельством того, как мог составляться акт. Важнее для нас сейчас другое: мы видим очевидное противопоставление «володети» и «в веки». Очевидно, монах не мог физически «володети» своей землей и передавал ее своему брату, который уже после смерти «чернеца» должен был передать ее в собственность монастырю. Следовательно, до этого момента, *право* (курсив наш – А. Вовин, Н. Срединская) на землю

¹⁷³ Спор о подлинности этого документа не имеет значения для настоящей работы (хотя аргументы М. Н. Тихомирова и В. Л. Янина именно в отношении «данной» Антония Римлянина представляются более убедительными чем аргументы С. Н. Валка – *Валк С. Н.* Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины, М.; Л., 1937, С. 295–303.). Так как, очевидно, что любая подделка должна опираться на формуляр подлинных грамот. Соответственно, несмотря на то, что формуляр «данной» Антония Римлянина уникален, даже признавая его подделкой, нужно признать, что в таком случае у него должен был быть некий «протограф», пусть и не связанный с Антонием Римлянином).

¹⁷⁴ ГВНП. С. 159.

все еще принадлежало самому монаху, а вот *фактическое* распоряжение уже доставалось его брату.

Схожую картину конечности «володения» мы наблюдаем и в других документах. Так, в закладной (ГВНП № 197) читаем: «А половиною земли по записи владети Федору другой до срока 10 лет». Здесь мы видим, что для владения просто устанавливается конкретный срок, после чего оно, вероятно, прекращается. Близко к «володению» до наступления определенного условия (выплаты долга, смерти) или просто окончания фиксированного срока лежит понятие «жить до живота» или «кормиться до живота», часто встречаемое в завещаниях¹⁷⁵, а также в некоторых других документах. Так, например, в ряднице (ГВНП № 138) есть следующий пассаж: «А жити Нефеду на той земли до своего живота». Трудно утверждать, что «володение» и «жить\кормиться до живота» осознавались как две различные категории, но примечательно, что «володение» до смерти владеющего мы не встречаем ни разу. В то же время единственным условием прекращения «жить\кормиться» служит именно смерть «кормящегося», что делает последнее близким аналогом узуфрукта римского права, который был пожизненным (или приобретенным на определенный срок) пользованием собственностью и всех его плодов. Утрачивался же он либо со смертью узуфруктуария, либо с наступлением особых условий, таких, например, как потеря вдовой узуфрукта на имущество покойного мужа, в случае ее повторного выхода замуж, что прослеживается как на материале итальянских актов, так и документов Северо-Запада Руси¹⁷⁶.

Справедливости ради, нужно отметить, что терминологической стройности римского права в понятийном аппарате актов Северо-Запада Руси не наблюдается. Тот же глагол «володети» мог использоваться и в тех случаях, когда речь шла о полной собственности «одерень» или «в веки». Так, например, в купчей (ГВНП № 182) читаем: «Чим володел Ортемий по отца своего и по братьи своей купным грамотам по дерным и по раздельной с братом своим Семеном»¹⁷⁷. Здесь, как мы видим, «володети» используется в одном контексте с «грамотами дерными», но думается, это не противоречит всему вышесказанному. Само по себе владение воспринималось как, по-видимому, естественный атрибут полной собственности, а не противоречащее ему явление. Да, они могли принадлежать разным людям, но могли, конечно, и одному. Поэтому в большинстве купчих понятие «володети» отсутствует – переход в полную собственность подразумевал и передачу владения¹⁷⁸. В рассматриваемой же грамоте, выделяющейся на фоне прочих подробным описанием

¹⁷⁵ См. выше, а также *Вовин А. А., Срединская Н. Б.* С. 109–110.

¹⁷⁶ *Вовин А. А., Срединская Н. Б.* С. 106–112.

¹⁷⁷ ГВНП. С. 220.

¹⁷⁸ В этом отличия североитальянских актов, где передача права собственности с одной стороны, и вступление во владение тем же участком земли, с другой, оформлялись разными документами.

всего продаваемого имущества, тем более, что оно досталось Ортемию, по-видимому, двумя или тремя (в зависимости от того, понимать ли «дерные» как дополнительное определение к «купным, или как два разных типа грамот) разными путями – через покупку (купные грамоты), наследование (дерные грамоты) и раздел имущества с братом (раздельные). Соответственно, было важно подчеркнуть, что все имущество Ортемия переходило к покупателю, вне зависимости от пути его приобретения. Этот контекст грамматически требовал некоего обобщения, что привело к использованию глагола «володети», обычно в купчих «одерень» опускаемого, но появляющегося там, где владение отделялось от права собственности.

Еще одним важным вопросом, возникающим при рассмотрении новгородско-псковских купчих, является причины сосуществования двух формул, описывающих право полной собственности на землю: «одерень» и «в веки». Еще Н. П. Павлов-Сильванский обратил внимание на формулу одерень и сопоставил ее с известным у германских народов архаичного обычая сопровождать передачу собственности на землю символическим актом, выражающимся в передаче куска дерна. По его мнению, наличие формулы «одерень» в русских актах – свидетельство родства русского и германского (и вообще арийского) права. Он также отмечал, что формула русских актов «продать одерень» представляла «собой как бы перевод латинских слов «*cum cespite tradere*» (передать с дерном)»¹⁷⁹. Действительно, такая традиция была известна и италикам и даже отразилась в древнейшем слое римского права, но вряд ли, согласимся с Н. П. Павловым-Сильванским, речь здесь может идти о заимствовании. Скорее, действительно, в формуле «одерень» отразились какие-то древнейшие общиндоевропейские традиции. Важнее другой вопрос – как эта формула попадает в новгородско-псковские акты? Тут сразу примечателен тот факт, что документы Северо-Восточной Руси ее не знают, как, впрочем, и никакой другой формулировки, описывающей полную собственность на землю, кроме относительно поздно (во второй половине XV в.) появившейся формулы «впрок без выкупа». В. Ф. Андреев предложил этим обстоятельствам довольно элегантное объяснение, которое принять, однако, никак нельзя. По мнению исследователя, «одерень» – формула, доставшаяся в наследство от доактового периода оформления сделки, а на Северо-Востоке частный акт возникает позднее, к тому времени обмен дерном уже сменяется на хождение по меже с иконами, соответственно, формулу «одерень» эти акты уже не фиксируют¹⁸⁰.

Против высказанного В. Ф. Андреевым предположения есть один серьезный аргумент. Если «одерень» пришло в частный акт из древнейшей доактовой традиции, то почему как раз древнейшие акты этой формулы

¹⁷⁹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. М. 1988, С. 45.

¹⁸⁰ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт...

не фиксируют? В данной Антония Римлянина, которую сам В. Ф. Андреев считал подлинной, то есть, середины XII в., формулы «одерень» нет. Точно так же ее нет во всех древнейших новгородских актах, уже бесспорно подлинных, – духовной Климента (ГВНП № 105, вторая половина XIII в.)¹⁸¹, купчей Акинфия, Ивана, Марка и Федора (ГВНП № 106, вторая половина XIV в.)¹⁸². Впервые¹⁸³ «одерень» появляется в купчей Спасского Верендовского монастыря у Прокопия Ивановича (ГВНП № 108), датируемой по упоминанию архиепископа Ивана 1389–1415 гг. Причем примечателен контекст: «И даша на том игумен и черницы святого Спаса Прокопью Иванову два рубля одерень монастырю святого Спаса и в век»¹⁸⁴. Отметим, что «отдерень» соседствует с «в век», которую В. Ф. Андреев считал более поздней формулой, что очевидно противоречит источникам. Впервые обе они появляются в одном и том же документе. Но важнее даже другое – что (курсив наш – А. Вовин, Н. Срединская) дается «одерень». В рассматриваемой грамоте «одерень» даются два рубля, то есть деньги. Их получает Прокопий Иванович, за землю, которая достается монастырю «в век». В этом свете гипотеза В. Ф. Андреева представляется уже совсем неубедительной: доактовый символ, отсутствует в древнейших актах, при этом внезапно появляется на рубеже XIV–XV вв. причем применительно не к земле, с которой он во всех смыслах связан, а к деньгам, с которыми операция передачи дерна уже вряд ли может быть представима. Если «одерень» и был генетически связан с древним обрядом, то к моменту своего появления в актах эта формула уже утратила свое первоначальное буквальное значение и воспринималась как описание «полного безраздельного права на вещь». Как же можно тогда объяснить появление формулы «одерень» и параллельно ей «в веки»? Попробуем для ответа на этот вопрос проследить закономерность использования обеих формул.

Надо сразу сказать, что использование «одерень» применительно к деньгам как в ГВНП № 108 – исключительный случай, признак нестабильности складывающегося формуляра купчей, где, вероятно, изначально могла фиксироваться не только полная собственность покупателя на землю, но и продавца на получаемые деньги. То есть, своеобразная бо-

¹⁸¹ ГВНП. С. 162.

¹⁸² ГВНП. С. 163.

¹⁸³ Справедливости ради нужно отметить, что формула «одерень» есть в купчей Луки, известной по спискам XVII в. Внутренней датировки, как и подавляющее большинство новгородских актов она не содержит. Обнаруживший и издавший ее В. И. Корецкий (*Корецкий В. И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв. // Археографический ежегодник, 1967.*) и В. Л. Янин (*Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв., М., 1990, С. 212–213.*) датировали ее 1334–1342 гг., отождествляя Луку с известным по летописям новгородским боярином Лукой Варфоломеевичем. Однако, в сколь-нибудь убедительного обоснования такого отождествления ими приведено не было. Поэтому мы склоняемся к тому, чтобы считать грамоту датированной широко – XIV–XV вв.

¹⁸⁴ ГВНП. С. 165.

лезнь роста или гиперкоррекция. В более поздних купчих собственность продавца на деньги больше не фиксировалась. Обычно просто указывалась сумма в клаузуле «А дал на том...». Вместе с тем, право полной собственности покупателя на землю неизменно закреплялось одной или другой формулой. В некоторых случаях они использовались вместе, но применительно к одному и тому же объекту права собственности (ГВНП № 157, 188, 194, 208, 209)¹⁸⁵. На первый взгляд использование формул произвольно, однако есть все же одна прослеживаемая закономерность, которая начинается также с самого первого появления обеих формул в ГВНП № 108. Речь не о том, что передавалось «одерень» или «в веки», а кому. Формула «одерень» никогда не использовалась, если покупателем был монастырь или церковь, они получали землю «в веки». Примечательно, кстати, что когда покупателем выступал, например, игумен монастыря как частное лицо, то он мог купить землю «одерень». Так, например, в ГВНП № 161 читаем: «Се купи игумен Василий у Гаврилы у дьяка... А купи себе игумен Василей и своим детям ту землю одерень»¹⁸⁶. То есть, распределение формул «одерень» и «в веки» было связано не с социальной или корпоративной принадлежностью покупателя, а скорее с разницей в юридическом статусе, близкой к той, которую мы бы сейчас назвали разницей между физическим и юридическим лицом. Такое разделение, как известно, только начинало разрабатываться в римском праве, а впервые эта проблема была поднята глоссаторами (*quod universitatis est, non est singulorum*) применительно к средневековым европейским корпорациям XII–XIII вв., то есть, в период отдаленный на 150–200 лет от того, когда эта идея имплицитно появляется в актах Северо-Запада Руси, что вряд ли можно счесть простым совпадением.

Заключение

Подведем некоторый итог. Представляется, что все вышесказанное позволяет выдвинуть следующую гипотезу. В конце XIV – начале XV вв. актовая традиция Северо-Запада Руси получает мощный импульс развития. Это выражается в количественном росте актового материала, но помимо количественного роста наблюдаются и определенные качественные изменения. Появляются новые категории вещного права – собственность («одерень» и «в веки»), а также отделенная от собственности идея владения землей и пользования ее плодами. В то же самое время для описания права собственности стали использоваться две различные категории «одерень» и «в веки», последняя из которых выглядит как прямой перевод латинского «*in perpetuum*», а первая этимологически восходит, возможно, к доактовому символическому обряду передачи дерна, но уже утратившего свой буквальный первоначальный смысл. Параллельное использование этих формул отражает поиски категорий физического и юридического

¹⁸⁵ ГВНП. С. 204, 224, 229, 236, 237

¹⁸⁶ ГВНП. С. 206.

лица, незадолго до этого начавшиеся среди болонских юристов, и вряд ли могущие произойти независимо на Руси того времени, в условиях отсутствия собственной глубокой традиции юриспруденции. Вдобавок к этому в этот же период конца XIV – начала XV вв. фиксируется в Псковской Судной грамоте и многих новгородских и псковских актах юридическая норма об пожизненном узюфрукте вдовы, текстологически восходящая к кодексу Юстиниана в обход византийского права более позднего периода. Думается, что всему этому может быть только одно удовлетворительное объяснение. Упомянутый выше импульс к развитию актов и юридической мысли был внешним и исходил от несохранившихся латиноязычных (возможно в переводе) юридических памятников или сборников документов, которые бытовали на Северо-Западе Руси в указанный период. Причем заимствованию подверглись в первую очередь не формуляр акта, а его содержание и соответствующие понятия, которые переосмысливались в соответствии с местными правовыми реалиями. Северо-Восточная правовая традиция развивалась самостоятельно и влияние римского права испытала в меньшей степени, или не испытала вовсе.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена влиянию римского права на древнерусское. Данная проблема в чем-то схожа с Норманским вопросом, и ей можно было бы по аналогии присвоить имя Римского вопроса. В XXI веке изучение этой проблемы разделилось на два, фактически не пересекающихся между собой, направления исследования, представители которых не могут прийти к консенсусу. Одни исследователи считают, что признать влияние римского права на древнерусское равносильно тому, чтобы расписаться в бессилии отечественной юридической средневековой мысли, вторые полагают, что рецепция римского права через византийские канонические сборники – единственный возможный путь складывания правовой системы Древней Руси.

SUMMARY

The article is devoted to the influence of Roman law on Old Russian. This problem is somewhat similar to the Norman question, and by analogy it could be given the name of the Roman question. In XXI research of this problem was divided into two, naturally not meeting among themselves, researches representing not belonging to group to come to a consensus. Some believe that the consequences of Roman law should be considered equivalent to Old Russian, signed in countless domestic legal medieval thought, while others believe that the reception of Roman law through Byzantine canonical collections is the only possible way to develop the solution of the system of Ancient Rus'.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Акты, древнее право, Древняя Русь, византийские источники, юридическая система.

KEYWORDS

Acts, ancient law, Ancient Rus', Byzantine sources, legal system.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии Наук СССР / подг. к изд. С. А. Аннинского; под ред. О. А. Добиаш-Рождественской. М.; Л., 1937.

Акты Кремоны XIII–XVI веков в собрании Академии Наук СССР / под ред. В. И. Рутенбурга, Е. Ч. Скржинской. М.; Л., 1961.

Акты Падуи конца XIII–XIV в. в собрании Академии наук СССР / сост. Е. Ч. Скржинская, А. М. Кононенко, В. И. Мажуга. Л., 1987. 262 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. I. М., 1952. 804 с.

Алексеев Ю. Г. Псковская Судная Грамота и ее время, Л., 1980.

Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. М., 1986.

Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989.

Бернадская Е. В. Феррара и ее сельский округ // Итальянские коммуны XIV–XV вв.: сборник документов. М.; Л., 1965. С. 237–255.

Валк С. Н. Начальная история древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины М.; Л., 1937, С. 285–318.

Вершинин К. В. Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб., 2019. 294 с.

Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова. XIV – начало XVI вв. СПб., 2019. 398 с.

Вовин А. А. Сравнительный анализ источников по ранним итальянским коммунам и Пскову XIV–XV вв. // Петербургский исторический журнал, 2017. № 1. С. 180–196.

Вовин А. А., Срединская Н. Б. Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв.: вдова и имущество покойного мужа // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2022. № 1 (31). С. 105–116.

Вспомогательные исторические дисциплины: сборник статей. М.; Л., 1937.

Гимон Т. В. Административная переписка Англо-Саксонской Англии и Древней Руси // Письмо и повседневность. 2014. Вып. 1. С. 9–41.

Гимон Т. В. Историческое описание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2011.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.; Л. 1949.

Дигесты Юстиниана. D. 41. 2. 12.

Дождев Д. В. Римское частное право. М., 1997.

Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 187–305.

Западноевропейская секция Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (ЗЕС).

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 18 (1301 г.)

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 18 (1301 г.)

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 22 (1400 г.)

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, ед. хр. 39 (1348 г.)

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 13.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 14.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 23.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 24.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 25.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 27.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 29.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 3.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 36.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 4.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 40.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 7.

ЗЕС. Колл. 4, картон 133, № 9.

ЗЕС. Колл. 4, картон 134, ед. хр. 11 (1371 г.)

ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 1.

ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 3. 03.03.1353 г.

ЗЕС. Колл. 4, картон 134, № 6.

ЗЕС. Колл. 4, картон 135, ед. хр. 1 (1449 г.)

ЗЕС. Колл. 4, картон 135, ед. хр. 4 (1460 г.)

ЗЕС. Колл. 4, картон 135, ед. хр. 5 (1463 г.)

ЗЕС. Колл. 4, картон 135, ед. хр. 6 (1463 г.)

ЗЕС. Колл. 4, картон 143, ед. хр. 11 (1343 г.)

ЗЕС. Колл. 4, картон 143, ед. хр. 11 (1343 г.)

ЗЕС. Колл. 4, картоны 133.

ЗЕС. Колл. 4, картоны 134.

ЗЕС. Колл. 4, картоны 135.

ЗЕС. Колл. 6, ед. хр. 81 (1374 г.)

ЗЕС. Колл. 6, картон 205, ед. хр. 47 (1362 г.)

ЗЕС. Колл. 6, картон 205, ед. хр. 75 (1373 г.)

ЗЕС. Колл. 6, картон 205, ед. хр. 81 (1374 г.)

Итальянские коммуны XIV–XV веков: сборник документов из Архива Ленинградского отделения института истории АН СССР / под ред. В. И. Рутенбурга. М.; Л., 1965.

- Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М.: Наука, 1996.
- Климанов Л. Г.* Николай Петрович Лихачев – коллекционер «сказочно-го размаха» // Из коллекций Н. П. Лихачева. Каталог выставки в Государственном Русском музее. Ленинград, 1991 г. СПб., 1993.
- Кононенко А. М.* К истории итальянского нотариата XI–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1974. Вып. 6. С. 312–334.
- Кононенко А. М.* Нотариат Италии XIII века (Трактат Роландина Пассагерия); дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973.
- Кононенко А. М.* Роландин Пассагерий и его трактат об искусстве нотариев (к истории средневекового нотариата) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1973. Т. 5. С. 297–309.
- Корецкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв. // Археографический ежегодник. 1967.
- Лукин П. В.* Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя, СПб, 2022.
- Милов Л. В.* Византийская Эклога и Пространная Правда (Проблемы рецепции) // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 1 (3). С. 113–119.
- Милов Л. В.* Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1984. № 3. С. 56–65.
- Милов Л. В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 142–163
- Муромцев С. А.* Гражданское право Древнего Рима. 2-е изд. М., 2003
- Муромцев С. А.* Гражданское право Древнего Рима. М., 1883.
- Н. П. Лихачев – В. В. Розанову. Москва, 13/26 августа 1926 г. // РГАЛИ. Ф. 419 (В. В. Розанова). Оп. 1. Д. 523. Л. 12.
- Н. П. Лихачев – М. С. Боровковой-Майковой. Астрахань, 17 января 1933 г. // СПбФ АРАН. Ф. 739. Оп. 4. Д. 40. Л. 1 об.
- Новые псковские грамоты. М., 1966.
- Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. М. 1988.
- Переверзев А. С.* Византийское право как источник Псковской Судной грамоты // Юридическая наука. 2015. № 3. С. 24–27.
- Покровский И. А.* История римского права. 2-е изд. М., 2004.
- Покровский И. А.* История римского права. М., 1913.
- Псковские летописи. Вып. II. М. 1950.
- Савельев В. А.* Владение в римском классическом праве и современное законодательство // Журнал российского права. 2013. № 1.
- Срединская Н. Б.* Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. М., 2017.
- Срединская Н. Б.* Вона parapherna и другое о дамах Феррары XIV в. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3 (7). С. 92–97.
- Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. М., 1990.
- Archiviodi Statodi Modena (ASM). Archivio privato Fiaschi. Buste I–VI). ASM. L. 1 № 19.

- ASM. L. 1 № 53.
 ASM. L. 1 № 53.
 ASM. L. 1 № 56.
 ASM. L. 2 № 59.
 ASM. L. 2 № 59.
 ASM. L. 2 № 6.
 ASM. L. 2 № 7.
 ASM. L. 2 №№ 16, 23, 26, 30, 33, 40, 50, 59, 60, 62, 72.
 ASM. L. 3 № 45.
 ASM. L. 3 № 8.
 ASM. L. 3 №№ 18–21.
 ASM. L. 3 №№ 18–21.
 ASM. L. 4 № 1, 5, 27, 35, 36, 39, 46.
 ASM. L. 4 № 13. 14.03.1340 г.
 ASM. L. 4 № 27.
 ASM. L. 4 № 5.
 ASM. L. 4 №№ 13, 44.
 ASM. L. 4 №№ 3, 12, 15, 25–26, 41–42.
 ASM. L. 5 № 1.
 ASM. L. 5 № 1.
 ASM. L. 5 № 10, 17, 18, 59.
 ASM. L. 5 № 16.
 ASM. L. 5 № 22.
 ASM. L. 5 № 9, 12, 26, 58, 61, 63.
 ASM. L. 5 №№ 16, 22.
 ASM. L. 6 № 26.
 ASM. L. 6 № 27–28.
 ASM. L. 6 № 27–28.
 ASM. L. 6 № 30–31.
 ASM. L. 6 № 37.

Atti & formule di Rolandino. Consiglio Nazionale del notariato. Arnaldo Forni Editore, 2000.

Deputazione provinciale ferrarese di Storia Patria. Atti e memorie. Serie terza. Vol. VIII. Ferrara, 1968.

La Rosa A. Il notariato ferrarese negli statuti comunali del 1287 e del 1534.

REFERENCES

Akty Kremony X–XIII vekov v sobranii Akademii Nauk SSSR / podg. k izd. S. A. Anninskogo; pod red. O. A. Dobiash-Rozhdestvenskoj. M.; L., 1937.

Akty Kremony XIII–XVI vekov v sobranii Akademii Nauk SSSR / pod red. V. I. Rutenburga, E. Ch. Skrzhinskoj. M.; L., 1961.

Akty Padui konca XIII–XIV v. v sobranii Akademii nauk SSSR / sost. E. CH. Skrzhinskaya, A. M. Kononenko, V. I. Mazhuga. L., 1987. 262 s.

Akty social'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV – nachala XVI vv. T. I. M., 1952. 804 s.

Alekseev Yu. G. Pskovskaya Sudnaya Gramota i ee vremya, L., 1980.

Andreev V. F. Novgorodskij chastnyj akt XII–XV vv. M., 1986.

Bartoshek M. Rimskoe pravo. Ponyatiya, terminy, opredeleniya. M., 1989.

Bernadskaya E. V. Ferrara i ee sel'skij okrug // Ital'yanskije kommuny XIV–XV vv.: sbornik dokumentov. M.; L., 1965. S. 237–255.

Valk S. N. Nachal'naya istoriya drevnerusskogo akta // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny M.; L., 1937, S. 285–318.

Vershinin K. V. Merilo Pravednoe v istorii drevnerusskoj knizhnosti i prava. M.; SPb., 2019. 294 s.

Vovin A. A. Gorodskaya kommuna srednevekovogo Pskova. XIV – nachalo XVI vv. SPb., 2019. 398 s.

Vovin A. A. Sravnitel'nyj analiz istochnikov po rannim ital'yanskim kommunam i Pskovu XIV–XV vv. // Peterburgskij istoricheskij zhurnal, 2017. № 1. S. 180–196.

Vovin A. A., Sredinskaya N. B. Recepciya rimskogo prava v Severo-Zapadnoj Rusi XIV–XV vv.: vdova i imushchestvo pokojnogo muzha // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2022. № 1 (31). S. 105–116.

Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny: sbornik statej. M.; L., 1937.

Gimon T. V. Administrativnaya perepiskav Anglo-Saksonskoj Anglii i Drevnej Rusi // Pis'mo i povsednevnost'. 2014. Vyp. 1. S. 9–41.

Gimon T. V. Istoriopisanie rannesrednevekovoj Anglii i Drevnej Rusi: Cravnitel'noe is-sledovanie. M., 2011.

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova, M.; L. 1949.

Digesty Yustiniana. D. 41. 2. 12.

Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo. M., 1997.

Zhivov V. M. Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema // Razyskaniya v obla-sti istorii i predystorii russkoj kul'tury. M., 2002. S. 187–305.

Zapadnoevropejskaya sekciya Nauchno-istoricheskogo arhiva Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN (ZES).

ZES. Koll. 4, karton 133, ed. hr. 18 (1301 g.)

ZES. Koll. 4, karton 133, ed. hr. 18 (1301 g.)

ZES. Koll. 4, karton 133, ed. hr. 22 (1400 g.)

ZES. Koll. 4, karton 133, ed. hr. 39 (1348 g.)

ZES. Koll. 4, karton 133, № 13.

ZES. Koll. 4, karton 133, № 14.

ZES. Koll. 4, karton 133, № 23.

ZES. Koll. 4, karton 133, № 24.

ZES. Koll. 4, karton 133, № 25.

ZES. Koll. 4, karton 133, № 27.
ZES. Koll. 4, karton 133, № 29.
ZES. Koll. 4, karton 133, № 3.
ZES. Koll. 4, karton 133, № 36.
ZES. Koll. 4, karton 133, № 4.
ZES. Koll. 4, karton 133, № 40.
ZES. Koll. 4, karton 133, № 7.
ZES. Koll. 4, karton 133, № 9.
ZES. Koll. 4, karton 134, ed. hr. 11 (1371 g.)
ZES. Koll. 4, karton 134, № 1.
ZES. Koll. 4, karton 134, № 3. 03.03.1353 g.
ZES. Koll. 4, karton 134, № 6.
ZES. Koll. 4, karton 135, ed. hr. 1 (1449 g.),
ZES. Koll. 4, karton 135, ed. hr. 4 (1460 g.).
ZES. Koll. 4, karton 135, ed. hr. 5 (1463 g.).
ZES. Koll. 4, karton 135, ed. hr. 6 (1463 g.).
ZES. Koll. 4, karton 143, ed. hr. 11 (1343 g.).
ZES. Koll. 4, karton 143, ed. hr. 11 (1343 g.).
ZES. Koll. 4, kartony 133.
ZES. Koll. 4, kartony 134.
ZES. Koll. 4, kartony 135.
ZES. Koll. 6, ed. hr. 81 (1374 g.).
ZES. Koll. 6, karton 205, ed. hr. 47 (1362 g.).
ZES. Koll. 6, karton 205, ed. hr. 75 (1373 g.).
ZES. Koll. 6, karton 205, ed. hr. 81 (1374 g.).

Ital'yanskie kommuny XIV–XV vekov: sbornik dokumentov iz Arhiva Leningradskogo otde-leniya instituta istorii AN SSSR / pod red. V I. Rutenburga. M.; L., 1965.

Kashtanov S. M. Iz istorii russkogo srednevekovogo istochnika: Akty X–XVI vv. M.: Nauka, 1996.

Klimanov L. G. Nikolaj Petrovich Lihachev – kollekcioner «skazochno go razmaha» // Iz kollekcij N. P. Lihacheva. Katalog vystavki v Gosudarstvennom Russkom muzee. Leningrad, 1991 g. SPb., 1993.

Kononenko A. M. K istorii ital'yanskogo notariata XI–XIII vv. // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. 1974. Vyp. 6. S. 312–334.

Kononenko A. M. Notariat Italii XIII veka (Traktat Rolandina Passageriya): dis. ... kand. ist. nauk. L., 1973.

Kononenko A. M. Rolandin Passagerij i ego traktat ob iskusstve notariev (k istorii srednevekovogo notariata) // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. 1973. T. 5. S. 297–309.

Koreckij V. I. Vnov' otkrytye novgorodskie i pskovskie gramoty XIV–XV vv. // Arheograficheskij ezhegodnik. 1967.

Lukin P. V. Novgorod i Veneciya: sravnitel'no-istoricheskie ocherki stanovleniya respubli-kanskogo stroya, SPb, 2022.

- Milov L. V. Vizantijskaya Ekloga i Prostrannaya Pravda (Problemy recepcii) // IUS ANTIQUUM. Drevnee pravo. 1 (3). S. 113–119.*
- Milov L. V. Drevnerusskij perevod Eklogi v kodifikacionnoj obrabotke konca XIII v. // Vestnik MGU. Ser. 8. Istorija. 1984. № 3. S. 56–65.*
- Milov L. V. O drevnerusskom perevode vizantijskogo kodeksazakonov VIII veka (Eklogi) // Istorija SSSR. 1976. № 1. S. 142–163*
- Muromcev S. A. Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima. 2-e izd. M., 2003*
- Muromcev S. A. Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima. M., 1883.*
- N. P. Lihachev – V. V. Rozanovu. Moskva, 13/26 avgusta 1926 g. // RGALI. F. 419 (V. V. Rozanova). Op. 1. D. 523. L. 12.*
- N. P. Lihachev – M. S. Borovkovej-Majkovej. Astrahan', 17 yanvarya 1933 g. // SPbF ARAN. F. 739. Op. 4. D. 40. L. 1 ob.*
- Novye pskovskie gramoty. M., 1966.*
- Pavlov-Sil'vanskij N. P. Feodalizm v Drevnej Rusi. M. 1988.*
- Pereverzev A. S. Vizantijskoe pravo kak istochnik Pskovskoj Sudnoj gramoty // YUridicheskaya nauka. 2015. № 3. S. 24–27.*
- Pokrovskij I. A. Istorija rimskogo prava. 2-e izd. M., 2004.*
- Pokrovskij I. A. Istorija rimskogo prava. M., 1913.*
- Pskovskie letopisi. Vyp. II. M. 1950.*
- Savel'ev V. A. Vladenie v rimskom klassicheskom prave i sovremennoe zakonodatel'stvo // ZHurnal rossijskogo prava. 2013. № 1.*
- Sredinskaya N. B. Ferrara XIV veka v otrazhenii aktov rodovogo arhiva Sakrati. M., 2017.*
- Sredinskaya N. B. Bona parapherna i drugoe o damah Ferrary XIV v. // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2015. № 3 (7). S. 92–97.*
- Yanin V. L. Novgorodskie akty XII–XV vv. M., 1990.*
- Archiviodi Statodi Modena (ASM). Archivio privato Fiaschi. Buste I–VI.*
- ASM. L. 1 № 19.*
- ASM. L. 1 № 53.*
- ASM. L. 1 № 53.*
- ASM. L. 1 № 56.*
- ASM. L. 2 № 59.*
- ASM. L. 2 № 59.*
- ASM. L. 2 № 6.*
- ASM. L. 2 № 7.*
- ASM. L. 2 №№ 16, 23, 26, 30, 33, 40, 50, 59, 60, 62, 72.*
- ASM. L. 3 № 45.*
- ASM. L. 3 № 8.*
- ASM. L. 3 №№ 18–21.*
- ASM. L. 3 №№ 18–21.*
- ASM. L. 4 № 1, 5, 27, 35, 36, 39, 46.*
- ASM. L. 4 № 13. 14.03.1340 r.*
- ASM. L. 4 № 27.*

ASM. L. 4 № 5.
ASM. L. 4 №№ 13, 44.
ASM. L. 4 №№ 3, 12, 15, 25–26, 41–42.
ASM. L. 5 № 1.
ASM. L. 5 № 1.
ASM. L. 5 № 10, 17, 18, 59.
ASM. L. 5 № 16.
ASM. L. 5 № 22.
ASM. L. 5 № 9, 12, 26, 58, 61, 63.
ASM. L. 5 №№ 16, 22.
ASM. L. 6 № 26.
ASM. L. 6 № 27–28.
ASM. L. 6 № 27–28.
ASM. L. 6 № 30–31.
ASM. L. 6 № 37.

Atti & formule di Rolandino. Consiglio Nazionale del notariato. Arnaldo Forni Editore, 2000.

Deputazione provinciale ferrarese di Storia Patria. Atti e memorie. Serie terza. Vol. VIII. Ferrara, 1968.

La Rosa A. Il notariato ferrarese negli statuti comunali del 1287 e del 1534.